

Рудольф Штейнер

Из GA 275

Искусство в свете мудрости мистерий

Лекции 4, 5, 8

***Восемь лекций, прочитанных в Дорнахе
с 28 декабря 1914 г по 4 января 1915 г со
вступительным словом Марии Штейнер***

перевод с немецкого А. Демидов

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Марии Штейнер

Первая лекция, Дорнах, 28 декабря 1914

Техника и искусство

Укрепляющее воздействие духовной науки по отношению к вредным влияниям современной жизни. Влияние современной техники на волевою и эмоциональную жизнь. Формирование современной техники в два этапа: разрушение природных связей и, тем самым изгнание природных духов, и создание новых связей в соответствии с законами природы вследствие внедрения ариманических духов. Отступление перед современной жизнью как спиритуальная трусость. Активное само переживание в духовнонаучных идеях. Соприкосновение человека с искусством и техникой подобно качанию маятника между люциферической и ариманической духовностью. Переживание элементарной духовности в речи до 15 столетия. Необходимость обновления искусства: здание в Дорнахе как начало. Введение пластически-образного элемента в музыкальное переживание.

Вторая лекция

29 декабря 1914

Преобразующие импульсы для художественной эволюции человечества (1)

Отношение отдельных искусств к существу человека. Строительное искусство. Взаимная игра сущностных членов. Посылка импульсов представления «я» и астрального тела с помощью Ангелов. Архитектура: закономерности

физического тела, перенесенные в пространство; скульптура: как законы эфирного тела преобразуются в физическое; живопись: как законы астрального преобразуются в эфирные; музыка: погружения «я» в астральное тело; поэзия: Самодух, погруженный в «я»; эвритмия: Жизнедух, погруженный в Самодух. Семиричность отдельных сущностных членов, отображенная в астральном теле. Соотношение между семью членами астрального тела и интервалами. Астральный человек как музыкальный инструмент. Земная музыка как отображение небесной музыки сфер. Ударные слоги. Переживание «я» в музыке и в поэзии. Необходимость воплощения в жизнь духовнонаучных идей.

Третья лекция

30 декабря 1914

Преобразующие импульсы для художественной эволюции человечества (2)

Две области духовной науки: описание космических связей и отображение определенной градации душевных переживаний на пути инициации. Погружение себя в более ранние ступени бытия Земли в художественном созидании и созерцании их: архитектура - бытие (древнего) Сатурна, скульптура - бытие (древнего) Солнца, живопись - бытие (древней) Луны. Две стороны пути инициации: духовное переживание бытия и субъективные состояния души. Музыка, как внешний образ переживания инициации; её связь с бытием Юпитера. Сущность (древне)греческой скульптуры на примере Венеры Милосской; грек как человек Солнца. Общение с ариманическим на примере здания в Дорнахе. Котельная как архитектурное строение ариманической культуры. Преодоление арииманического посредством выявления его во вне. Как описание пути инициации содействует инспирации от поэзии и музыки. Необходимость преображения личных эмоций и воли в сверхличное посредством духовной науки.

Четвертая лекция

31 декабря 1914

Мировой Новый Год. Сновидческая песнь Олафа Эстесона.

Норвежская легенда об Олафе Эстесоне; погружение человека как микрокосма в Макрокосм благодаря совместной жизни с Духом Земли в течение Рождественского времени. Дословный текст легенды. Возобновление забытого древнего знания с помощью духовнонаучного мировоззрения. Погружение в элементы. О необходимости развивать благочестивое смирение и преданность по отношению к сущности древних откровений. Как пример: слова из Второй Книги Моисеевой. Противоположность в восприятии мира чувственного и мира духовного. Утеря знания о трехчленности человека при вторжении материализма. Использование слов: «Свобода, равенство и братство» на поверхностных уровнях человеческих переживаний. Братство как идеал для физического мира, свобода как идеал для душевного мира, равенство - в духовной жизни. Олаф Эстесон как образ человечества, спящего в спиритуальном отношении.

Пятая лекция,

1 января 1915

Моральное переживание мира красок и звуков.

Пробуждение благочестивого страха с одной стороны, и силы внутренней «эволюции» с другой стороны, посредством понимания духовной науки. Как надо стремиться к созвучию между микрокосмом и Макрокосмом посредством чтения звездного письма, что отображено на примере положения Луны в Новогоднюю ночь. Путь к новому виду деятелей искусства. Морально-спиритуальное переживание чувственной видимости на примере цвета и звука: красное - божественный гнев. Формы как труд красок, как деятельность Элоимов; оранжевый - стремление к познанию внутреннего существа; желтый - жизнь в созидательных силах; зеленый - внутреннее усиление; синий - божественное милосердие. Прима - всасывание вверх со стороны спиритуального мира; секунда - звучание, противоположное сумме звуков; терция - движение дружественных тонов навстречу друг другу; кварта - различно окрашенные звуковые переживания; квинта - обогащение душевного переживания. Излучение спиритуальных сил в человека, изображенное на примере адвоката, упавшего в обморок.

Искоренение космической неграмотности как задача духовной науки.

Шестая лекция

2 января 1915

Пластически-архитектурные образы (1)

Опустошающее воздействие естественной науки в противоположность обогащающему и оживляющему воздействию духовной науки. Необходимость само переживания в вещах, отображенных на примере архитектоники. Равновесие между отягчающим и поддерживающим как равновесие между ариманическим и люциферическим. Развитие музыкального настроения в архитектонике. Здание в Дорнахе как попытка умиротворения искусства. Колонны и архитравы как телесное, купола как душевное, окна как духовное здания. Оплодотворение педагогики посредством духовной науки. Кармическое равновесие между ребенком и воспитателем: воздействие определенного посредством музыки будущего воспитателя на пластически сформированное прошлое ребенка. Люциферическое и ариманическое воспитание. Необходимость в старости оставаться юным на душевном уровне. Духовная наука как «эликсир молодости».

Седьмая лекция

3 января 1915

Грядущее бытие Юпитера и его существа

Подготовка будущего человека Юпитера посредством нынешнего земного человека. Отношение внешней науки и духовной науки. Природное бытие и нравственный поступок человека. Влияние нравственных или безнравственных поступков на существ, формирующихся в выдохе человека: подготовка человека Юпитера или создание паразитических демонов, переселившихся с древней Луны. Воздействие этих ставших люциферическими демонов на человека в эмбриональном состоянии. Упорядочивание жизни благодаря духовнонаучному познанию: отмирание мысли при концентрации и невозмутимость по отношению к собственной судьбе. Два руководящих положения: (« Добейся

устремления мыслей в Космос». «Добейся воскресения судьбы в «я»). Существо духовной науки в формах здания в Дорнахе. Связь Христиана Моргенштерна со зданием. О внутреннем отношении к сообщениям духовной науки.

Восьмая лекция

4 января 1915

Пластически-архитектурные образы (2)

Архитектурный принцип котельной. Метаморфозы в костной системе. Двойной купол: котельная как происходящая в ариманическом метаморфоза. Желание не истолковывать формы, но внутренне сопутствовать им. Восприятие внешнего мира посредством восприятий рефлексии и зеркальных отражений того, что происходит в нашей крови и нервах. Возникновение пифического ясновидения посредством прослеживания нервных и кровеносных путей в процессе самонаслаждения собственным телом во время бодрственной жизни: возвращение к древней лунной эволюции. Возникновение пророческого ясновидения посредством погружения в кровеносные пути и нервные пути как алчный захват своего собственного тела снаружи во время сна. Новое ясновидение: захват костной системы и отдача высшим иерархиям. Светлые и теневые стороны духовнонаучных стремлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах 31 декабря 1914

Мировой Новый Год.

Сновидческая песнь Олафа Эстесона

Этот праздник нашего завершения года мы начинаем тем, что госпожа др. Штейнер преподнесет к лекции прекрасную норвежскую легенду об Олафе Эстесоне, о том Олафе Эстесоне, который при наступлении Рождественского времени впал в своего рода сон, который продолжался тринадцать дней: тринадцать священных дней, с которыми мы знакомимся в наших различных рассматриваниях. В течение этого сна он имел важные переживания, о которых он затем, когда проснулся, сумел рассказать.

В эти дни мы предпринимали различные рассматривания, которые могли обратить наше внимание на то, как посредством духовнонаучного мировоззрения мы иным образом можем вновь обрести для человеческого познания те древние познавательные сокровища, которые в прошедшие дни познавались людьми как то, что принадлежало духовному миру. Всё снова и снова, в той или иной форме мы будем сталкиваться с этим древнейшим знанием о духовных мирах. Всё снова и снова, мы будем вспоминать, что это знание в древности покоилось на том, что человек в соответствии со своей более ранней организацией мог вступать в такую связь со всем Космосом и его событиями, что, - как мы выражаем это на нашем языке, - человеческий микрокосм погружался в закономерности происходящего в Макрокосме. При этом погружении в Макрокосм он мог иметь переживания о тех вещах, которые глубинным образом касались его душевной жизни, но которые должны были бы оставаться скрытыми для него, пока он как микрокосм странствовал на физическом плане, будучи наделен лишь теми познаниями, которые дают органы чувств и связанный с ними рассудок.

Мы знаем, что только материалистическое мировоззрение может верить в то, будто бы только человек в рамках мирового порядка наделен способностями познания, чувства и воли, в то время как с точки зрения спиритуального мировоззрения надо признавать, что точно так же, как имеются существа, стоящие на человеческой ступени, так есть и существа, выше ступени человеческого мышления, чувства и воли. В этих существ человек может вживаться, когда он как микрокосм погружается в Макрокосм. Но тогда мы должны говорить об этом Макрокосме так, как если бы он был не только пространственным Макрокосмом, но как если бы в жизни Макрокосма имело значение время в своём течении. Как человек должен отказаться от всех

впечатлений, которые могут воздействовать на его чувства из его окружения, как он как бы должен создать вокруг себя мрак посредством закрытия своих органов чувственного восприятия, чтобы внутри себя возжечь свет духа, если он хочет погрузиться в глубины своей души, так и тот дух, которого мы называем Духом Земли, должен закрыться, изолироваться от впечатлений из остального Космоса. Внешний Космос должен оказывать на Духа Земли воздействие в наименьшей степени, для того, чтобы сам этот Дух Земли внутренне сконцентрировался, чтобы он мог внутренне сосредоточить свои способности. Ибо тогда будут открыты те тайны, которые человек испытывал совместно с этим Духом Земли, поскольку Земля, как таковая изолирована от Космоса.

Временем, когда воздействия внешнего Макрокосма на Землю максимальны, является летнее солнцестояние, Иванов День. Многие древние традиции, связанные с праздничными представлениями, праздничными шествиями, напоминают нам как проводились такие праздники посреди лета, как душа посреди лета вследствие того, что она выделяла «я» вовне и выходила в жизнь Макрокосма, в опьянении отдавалась впечатлениям Макрокосма.

Однако нечто обратное напоминают нам легендарные или прочие повествования о том, что можно было пережить в древности, когда впечатление от Макрокосма на Землю были минимальны, вследствие чего Дух Земли концентрировался в себе и в бесконечной Вселенной переживал тайны душевной жизни Земли; и человек сопереживал наиболее священные тайны, если он предавался этим переживаниям в то время, когда свет и тепло посылались Земле из Космоса менее всего. Вот почему эти дни Рождественского времени всегда считались священными; ведь тогда человек, - если он ещё имел в своём организме способность сопереживать земную жизнь в то время, когда она была наиболее сконцентрирована, - мог вести совместное бытие с Духом Земли.

Олаф Эстесон, Олаф, сын Земли в эти тринадцать коротких дней, когда он был погружен в Макрокосм, переживал тайны Вселенной. И норвежская легенда, в новое время воскрешенная из древних источников, сообщает нам о переживаниях, которые имел Олаф Эстесон между временем Рождества, Нового Года вплоть до 6 января. У нас есть повод, часто думать об этом древнем виде переживания микрокосма

в Макрокосме; наше рассмотрение можно присоединить к таким вещам. Но прежде всего, давайте послушаем легенду об Олафе Эстесоне, который во время, переживаемое нами сегодня, пережил тайны мирового бытия вследствие того, что жил совместно с Духом Земли. Итак, давайте послушаем об этих переживаниях.

СНОВИДЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

I.

Послушай песнь мою!

Тебе хочу я спеть

О храбреце одном,

Он звался Олаф Эстесон,

Который долго спал,

О нём тебе пою я.

II.

Прилёт он раз под Рождество

И вдруг уснул так крепко,

Не мог проснуться он, пока

Через тринадцать долгих дней

Народ пошёл ко храму.

Он звался Олаф Эстесон,

Который долго спал,

О нём тебе пою я.

Прилёт он раз под Рождество

И вдруг заснул так крепко,

Не мог проснуться он, пока

Через тринадцать долгих дней

Не встрепенулись птицы.

Он звался Олаф Эстесон,

Который долго спал,

О нём тебе пою я.

Не мог проснуться он, пока

Через тринадцать долгих дней

В горах сверкнуло солнце,
Тогда вскочил он на коня
И поскакал ко храму.
Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.
Служил священник в алтаре,
Когда подъехал Олаф
И в ворота церковных он
Свои виденья рассказал,
Что в долгих снах предстали.
Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.
И тот, кто стар, и тот, кто млад
Словам его внимали
Про этот долгий сон.
Он звался Олаф Эстесон,
Который долго спал,
О нём тебе пою я.

III.

Прилёт я раз под Рождество
И вдруг уснул так крепко,
Не мог проснуться я, пока
Через тринадцать долгих дней
Народ пошёл ко храму.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Я был взнесён под облака,
Я был на дне морском,
Но кто последует за мной,
Навек невесел станет.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...

Я был взнесён под облака,
Упал я в грязь болота,
Весь ужас ада я познал,
Познал и свет небесный.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
И вглубь земли спускался я,
Где плещут Божьи реки,
И, хоть я видеть их не мог,
Но слышал страшный плеск.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Мой вороной в пути не ржал.
Не лаял там мой пёс,
Не пели птицы по утрам,
Всё было очень странно.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Я шёл в духовную страну
По полю из шипов,
Я изорвал свой красный плащ
И ногти на ногах.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Вступил я на Гьялларский мост,
На высоту ветров,
Окован он золотой бронёй
Из игл и из шипов.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Там бил меня духовный змей
И рвал духовный пёс,
Там бык поднялся на дыбы,
Три твари, яростны и злы

Загородили мост.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Кусает пёс и ранит змей,
Бодает мощный бык,
Не перейти тот мост тому,
Кто истину не чтит.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Прошёл я этот узкий мост,
Где голову кружит,
В трясилах заблудился я,
Но одолел и их.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
В бездонных топях я тонул,
Пробившись на мосту,
И вкус земли, как труп в гробу
Я ощущал во рту.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
И вот я к водам подошёл,
Сверкал там синий лёд,
Но умудрил меня Господь,
И я прошёл вперёд.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Так я вступил на млечный путь,
На правый путь я встал,
И тут увидел чудный свет:
Там рай вдали сиял.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...
Но Божья Матерь в вышине

Велела мне тогда
Идти не медля в Броксвалин,
Где души ждут суда.
Луна сияла,
И был мой путь далёк и долог...

IV.

И долго, ночь за ночью
Блуждал я в иных мирах.
И знает только сам Господь,
Как много горя я видел...
В Броксваллине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Там юношу увидел я –
Он мальчика убил:
В трясине вечно он тонул,
А труп держал на руках.
В Броксваллине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Там старика увидел я –
Был лихоимцем он:
За это здесь он был одет
В одежды из свинца.
В Броксваллине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Мужчин я видел, что несли
По раскалённой глыбе:
Нечестно камень межевой
Они передвигали.
В Броксваллине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Детей я видел, что стоят
На углях раскалённых:
За зло родителям своим

Их души так страдали.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Ещё я видел страшный дом
И близко подходил:
Там ведьмы трудятся в крови,
Что портили они.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Злых духов дикая толпа
Там с севера скакала,
Князь ада впереди.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Скакали с севера все те,
Что были злее всех,
Скакал князь ада впереди
На вороном коне.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Но с юга двигались полки
В спокойствии священном,
Их вёл Архангел Михаил
За Господа Христа.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
И души грешников в слезах
Дрожали, полны страха,
И по следам их злобных дел
Текла река из слёз.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.
Стоял в высотах Михаил
С весами для грехов:

Он души взвешивал у всех,
И, стоя рядом, их судил
Судья - Иисус Христос.
В Броксвалине, где души
Сошлись на Страшный Суд.

V.

О, как блажен, кто на земле
Дал обувь бедняку!
Не побредёт он босиком
По полю из шипов.

Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.

О, как блажен, кто на земле
Дал хлеба бедняку!
Когда придёт он на тот свет
Псы грызть его не станут.

Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.

О, как блажен, кто на земле
Дал бедняку зерна!
Гьялларский мост минует он,
Но бык его не тронет.

Так говорит язык весов,
Вещает правда мира
В духовной стороне.

О, как блажен, кто на земле
Дал платье бедняку!
Он не замёрзнет никогда
Во льдах на Броксвалине.

Так говорит язык весов,
Вещает правда мира

В духовной стороне.

VI.

И тот, кто стар, и тот, кто млад

Словам его внимали

Про этот долгий сон.

Проспал ты слишком долго...

Олаф Эстесон, восстань!

(Перевод: А. Демидов)

Мои дорогие друзья, мы слышали, как Олаф Эстесон пробудился от того сна, который должен был стать для него откровением тайн тех миров, которые оторваны от чувственной жизни, от обычной жизни на физическом плане. В этой древней легенде мы получаем известие о тех древних познаниях, о тех древних прозрениях в духовные миры, которые могут быть вновь пробуждены посредством того, что мы называем духовнонаучным мировоззрением.

Часто приводятся высказывание, которое проходит через все сообщения, касающиеся вступления человеческой души в духовный мир: они гласят, что человек только тогда может созерцать духовный мир, если он со своими переживаниями подходит к вратам смерти и затем погружается в элементы. Так что он имеет элементы земного бытия не вокруг себя, как находятся они в обычной жизни физического плана вокруг него как земля, вода, воздух и огонь, но что он, будучи поднят над этой внешней стороной, этой чувственно-воспринимаемой стороной элементов, погружается в то, чем являются эти элементы, если человек знакомится с их истинной природой, с их ближайшей истинной природой, где присутствует их существо, которое связано с земной жизнью человеческой души.

То, что Олаф Эстесон переживал нечто от этого погружения в элементы, можно проследить там, где прежде всего рассказывается как Олаф приходит на Гьялларский мост, и как ему приходится, идти через этот мост, странствуя по пути в духовный мир, который простирается так долго.

Насколько наглядно описывается нам переживание с земным элементом, описывается, как он погружается в этот

земной элемент. Это делается с той наглядностью, которая говорит нам, что он как мертвый, лежащий в могиле, ощущает вкус земли во рту. Затем нам ясно указывается на то, что может быть пережито в водном элементе, когда человек как бы со своим моральным содержанием переживает этот водный элемент. Затем указывается на то, как человек сходится с огненным элементом, с воздушным элементом.

Всё это удивительно наглядным образом описано и сосредоточено в переживании совместного бытия человеческой души с тайнами духовного мира. Легенда была обнаружена позднее; составлена она была тогда, когда ещё жила в устах народа. Кое-что в этой легенде, как она звучит сегодня, не таково, как было изначально. Изначально, без сомнения было только наглядное описание переживания в земной области, затем переживание в водной области. И только потом переживания в воздушной и огненной области дифференцированы гораздо сильнее, нежели было это в случае тех слабых отголосков, найденных спустя столетия, которые предлагаются нам сегодня.

Точно также без сомнения был более величествен и менее сентиментален конец, который в том виде, каков он сегодня, не напоминает больше изначальной, необычно грандиозной речи, не напоминает того, захватывающего на сверхчеловеческого уровня, заложенного в такой народной легенде, в то время как сегодняшней конец захватывает лишь на человеческом уровне, захватывает потому, что он связан с глубинными тайнами Макрокосма и человеческого переживания.

В такие времена, как то, когда мы живём теперь, в такие десятилетия, - если мы правильно понимаем их, - дается много предпосылок для того, чтобы обдумать тот факт, что человечество, в древности было проникнуто знанием, - хотя и иного вида, более смутным, сумеречным, - которое было потеряно и которое должно быть пробуждено заново. Тут перед нашей душой может выступить вопрос: а не следует ли нам, - поскольку уже можно знать о том, что такое знание должно придти снова на благо человечества, - не следует ли нам рассматривать как свою актуальнейшую задачу, делать всё то, что может привести к такому знанию, делать всё, чтобы человеческая культура смогла проникнуться таким знанием?

Многое будет необходимо для того, чтобы правильным образом смог наступить этот перелом во всей человеческом, - я мог бы теперь сказать, - чувстве по отношению к мировоззрению, перелом в мировоззренческом чувстве. И прежде всего тут будет необходимо одно, одно, - говорю я, - ибо это одно выступает среди многого другого, но надо принять именно одно: должно быть необходимым, чтобы человеческие души на почве нашего духовнонаучного мировоззренческого потока усвоили благоговение и преданность по отношению к тому, что было известно в глубокой древности в древней форме о великих тайнах бытия. Надо будет ощутить, насколько в материалистическую эпоху было упущено развитие этого благоговения и преданности в душе.

Необходимо получить ощущение того, как сухо и трезво материалистическое время, насколько высокомерно поставило себя рассудочное познание человечества в первые столетия пятого послеатлантического культурного периода по отношению к откровениям древних религиозных и древних познавательных преданий, которые поистине, - если только приближаться к ним с необходимым благоговением, - позволяют предчувствовать, сколь глубокая, глубинная мудрость содержится в них. Как неблагоприятно, без благоговения, в сущности, относимся мы теперь к содержанию Библии! Я даже не хочу говорить о том виде отвратительных современных исследований, которые растрепали и раздробили Библию; я хочу говорить только о той сухой, бесчувственной форме, в которой сегодня мы, будучи вооружены только чувственным познанием и силами обычного рассудка, приближаемся к Библии, как мы больше не можем развить чувства по отношению к тому неизмеримому величию человеческого воззрения, которое выступает нам навстречу из некоторых её мест. На одно такое место из Второй Книги Моисеевой, глава 33, строка 18 мне хотелось бы указать:

"Моисей сказал: покажи мне славу Твою.

И сказал [Господь Моисею]: Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою, и кого помиловать - помилую, кого пожалеть - пожалею.

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых.

И сказал Господь: вот место у Меня, стань на этой скале;

когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расщелине скалы и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду;

и когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Моё не будет видимо [тебе]."

Если мы рассмотрим это место, принимая во внимание всё то, что за истекшие годы нашей духовнонаучной деятельности могло влиться в наши души и в наши сердца, то сможем почувствовать, сколь бесконечная мудрость говорит из этого места, и сколь туги на ухо стали люди материалистической эпохи, что даже не могут услышать бесконечно глубокую мудрость, гласящую из этого места. Я бы хотел в связи с этим познакомить вас с одной книжечкой, появившейся под названием: "Слова Моисея" в издательстве Брунс в Миндене, Вестфалия, причём именно потому, что в этой книжечке кое-что из Пятикнижия Моисеева переведено лучше, чем в других изданиях. Издатель книги "Слова Моисея", доктор Гуго Бергман потратил немало усилий для этой интерпретации.

Мы неоднократно подчёркивали, что человек, желающий окунуться в духовный мир, должен усвоить совершенно иной род собственного отношения к миру, отличный от отношения к чувственному миру. Чувственный мир человек имеет вокруг себя. Он глядит на этот чувственный мир, он видит его в красках и формах, слышит его звуки. Чувственный мир находится здесь; мы противостояим ему; он воздействует на нас; мы контактируем с ним благодаря восприятию, мы размышляем о нём. Таково наше отношение к чувственному миру. Мы пассивны; он сам вработывается в нашу душу. Мы размышляем о чувственном мире, мы создаём представление о нём.

Наше отношение становится совершенно иным, если мы вживаемся в духовный мир. Человек, вступающий в духовный мир, испытывает трудности при составлении правильного представления о том, что он переживает. Некоторые из этих трудностей я попытался характеризовать в работе "Порог духовного мира". Мы представляем чувственный мир, мы думаем о чувственном мире. Если мы предпринимаем всё то, что должен предпринять желающий идти путём инициации, наступает нечто такое, что может быть охарактеризовано следующим образом: как окружающие нас вещи относятся к нам, так относимся мы сами к существам высших Иерархий: они представляют нас, они мыслят нас. Мы мыслим о предметах, находящихся вне нас, о минералах, растениях, животных: они становятся нашими мыслями. Мы, в свою очередь, являемся представлениями, мыслями и восприятиями духов высших Иерархий. Мы становимся мыслями Ангелов, Архангелов, Архаев и т. д. Мы воспринимаемся ими, как сами мы воспринимаем растения, животных и людей. И мы чувствуем себя в безопасности, когда можем сказать себе: нас мыслят существа высших Иерархий, они представляют нас. Эти существа высших Иерархий охватывают нас своей душой. Да, мы могли бы представить себе, что когда этот Олаф Эстесон засыпает перед церковными воротами, он становится представлением духов высших Иерархий, и в то время, когда он спал, существа высших Иерархий переживали то, что переживают существа Духа Земли, являющегося для нас как множественность. Когда же Олаф Эстесон снова просыпается в физическом мире, он вспоминает всё то, что пережили в нём духи высших Иерархий.

Только представьте себе: мы вступаем на путь посвящения! Как сможем мы повести себя по отношению к духовному миру, в который, как в совокупность духовных существ, мы хотели бы вступить? Как мы можем вести себя по отношению к ним? – Мы можем вступить в общение с ними, мы можем сказать им: как нам достичь вас, как вы открываете себя нам? И если нам стал понятен тот, иной вид отношения человеческой души к духовному миру, то из духовного мира мы можем получить своего рода отклик: так, как ты воспринимаешь чувственный мир, который появляется перед твоим взором, выступает перед твоими чувствами, так воспринимать духовный мир ты не можешь. Мы должны представлять тебя, а ты должен почувствовать

себя в нас. Ты должен ощутить себя так, как ощутила бы себя та мысль, которую ты мыслишь в чувственном мире, как если бы она могла пережить себя в тебе. Ты должен отдать себя духовному миру, и тогда в тебя будет вступать всё то, что могут открыть тебе существа высших Иерархий. Тогда это будет вливаться в твою душу, и, исполненное милости, жить в твоей душе подобно тому, как ты живешь в твоих мыслях, когда ты думаешь о чувственном мире. Если духовный мир захочет помирловать тебя, то он пронизет тебя своей любовью! Если он пожелает сжалиться над тобой и пронизать тебя своей любовью.

Ибо тебе не следует полагать, что ты сможешь противопоставить себе духовных существ так же, как чувственный мир. Как Моисей должен был идти в расселину, так должен и ты в расселине приобщить себя духовному миру. Ты должен поставить себя там. Как мысль живёт в тебе, так должен ты вживить себя в духовных существ. Ты должен сам как мировая мысль жить внутри Макрокосма. Переживая естественным образом, ты не можешь испытать этого в течение твоей жизни между рождением и смертью; ты сможешь это лишь после смерти, когда умрёшь. Никто не может пережить духовный мир так, пока не умер, но духовный мир может пройти мимо тебя, милуя тебя, пронизывая тебя своей любовью. И затем, если ты после или во время своего нахождения в этом духовном мире подключишь своё земное сознание, тогда в твоё земное сознание проникнет сияние того, чем является духовный мир.

Как предмет находится вовне и человек противостоит предмету, как предмет вступает в его сознание и затем находится внутри, так человек со своей душой находится в расселине духовного мира (рис.).

Духовный мир проникает сквозь него. Здесь человек находится перед вещами. Если же человек входит в духовный мир, то существа высших Иерархий находятся позади него. Здесь он не может увидеть их лица, так же как мысли не могут увидеть нашего лица, если они находятся в нас. Лицо находится впереди; мысли находятся позади, они не могут

видеть лица. Вся тайна посвящения кроется в словах, которые говорит Моисею Яхве.

"Моисей сказал: Покажи мне славу Твою. [досл.: Моисей сказал Богу: покажи мне образ Твоего откровения.]

И сказал Господь: Я проведу пред тобою всю славу Мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою; и кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею, [досл.: На это Иегова говорит: Я хочу позволить всему Моему благу пройти мимо твоего лица, и Я хочу провозгласить имя Иеговы пред тобою, и хочу быть милостивым с тем, кого Мне можно помиловать, и хочу пожалеть того, кого Мне можно пожалеть.]

И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых, [досл.: Затем опять говорит Иегова: ты не можешь увидеть Моего лица, ибо ни один человек не может увидеть Меня и остаться в живых.]"

К вратам смерти подходят именно через посвящение.

"И сказал Господь: вот место у Меня: стань на этой скале;

Когда же будет проходить слава Моя, Я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою Моею, доколе не пройду.

И когда сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, а лице Мое не будет видимо, [досл.: И сказал Яхве:Здесь место у Меня, стань на скалу, и когда Моё величие пойдёт мимо Я хочу поставить тебя в расселину скалы и положить поверх тебя Мою руку, пока Я не пройду. Когда же Я сниму руку Мою, ты увидишь Меня сзади, но Моего лица нельзя будет увидеть.]

Это и есть форма, противоположная той, в которой человек воспринимает чувственный мир. Надо было бы задействовать многое из усвоенного нами за годы

духовнонаучной деятельности для того, чтобы правильным образом, в благоговении и с почитанием предстать перед таким откровением. Но тогда это чувство благоговения по отношению к таким откровениям будет постепенно всё больше и больше охватывать человеческую душу; благоговение, почитание – это и есть то, в чём мы, помимо всего прочего, нуждаемся для того, чтобы в духовной культуре человечества смог осуществиться вышеозначенный перелом.

Время, когда макрокосмические влияния на Землю минимальны, время Рождества, Нового года, примерно до шестого января благоприятно для того, чтобы вспоминать не только о предметах духопознания, но и об ощущениях, которые мы должны развивать в себе благодаря усвоению духовной науки. Поистине мы снова вживаемся в Дух Земли, вместе с которым мы образуем единое целое, и благодаря Которому жило древнее ясновидческое познание, как это отражено в легенде об Олафе Эстесоне. Человечество материалистической эпохи разучилось относиться к духовной жизни с благоговением и почитанием. Необходимо прежде всего позаботиться о том, чтобы это благоговение и это почитание вернулись снова, потому что только так мы сможем развить настроение, которое обеспечит нам правильный подход к новому духоведению. Пока это настроение всё ещё таково, что к духоведению подходят как и к другой, обычной науке. Однако в этом отношении должно произойти существенное изменение.

Из-за того, что человечество утратило прозрение в духовный мир, оказалось утерянным правильное отношение человека к человеческой сущности в целом, к человечеству. Материалистическое мировоззрение породило хаотические ощущения по отношению к мировому бытию. Эти хаотические ощущения мирового и человеческого бытия должны были вторгнуться в эпоху материализма. Ведь в такую эпоху – а это наша эпоха; это первые столетия пятого послеатлантического культурного периода – не имеют больше никакого понятия о том, что человеческое существо является троичным, что это телесное, душевное и духовное существо. Это поистине так. То, что для нас должно было бы принадлежать к первейшим элементам духовнонаучного познания, троичность человека как тела, души и духа, об

этом в первые четыре столетия пятого послеатлантического культурного периода вплоть до нашего времени отсутствовало какое-либо понятие. Человек, мол, и есть человек, а всякие речи о членении человека на тело, душу и дух, как это имеет место у нас, расценивались как глупая, фантастическая болтовня.

Можно было бы подумать, что эти вещи имеют значение только для познания. Но это не так. Они имеют значение не только для познания, они имеют определяющее значение для положения человека в жизни в целом. В третьем столетии эволюции нового времени, или, используя нашу терминологию, в эволюции пятого послеатлантического культурного периода вошли в употребление три могущественных слова, с помощью которых это время понимало или, по крайней мере, пыталось понять суть человеческого воления в земном бытии. Три слова, которые, несмотря на их значительность, обладали той особенностью, что человечество стало употреблять их в то время, когда о трёхчленности человеческой природы ещё никто не знал. Человечество услышало о свободе, равенстве и братстве.

Было крайне необходимо, чтобы эти слова зазвучали на определённом этапе культуры нового времени. Действительно понять эти слова можно только в том случае, если понимают троичное членение человеческой природы. Только тогда узнают о том, какое значение эти слова в их истинном смысле могли иметь по отношению к человеческой природе. Пока эти слова осуществляют с теми хаотическими ощущениями, которые исходят из идеи, что человек есть человек, а троичность человека – это глупая иллюзия, до тех пор человек не сможет ориентироваться во внутреннем аспекте основной направленности этих трёх слов. Сталкиваясь с этими словами, мы не можем непосредственно применять их по отношению к человеческим переживаниям одного и того же уровня. Это невозможно. Простой довод, который из-за своей простоты может показаться вам менее весомым, чем это было бы при рассмотрении душевным взором, может пояснить вам, как в одной и той же плоскости жизни то, что заключено в этих трёх словах, может привести к серьёзному жизненному конфликту.

Давайте возьмём ту область, где братство выступает для нас самым естественным на свете образом. Возьмём человеческие кровнородственные отношения, семью, где нам нет необходимости насаждать братство, где люди имеют его естественным образом от рождения, подумаем, какие ощущения возникают у нас, если мы видим, как в какой-нибудь семье царят настоящие, поистине братские отношения, где все относятся друг к другу по-братски. А теперь, ни в коем случае не омрачая того чудесного чувства, которое вызвало у нас это братство, давайте посмотрим, что может возникнуть в семье именно из-за этих братских отношений. Один из членов семьи может чувствовать себя неудовлетворённым именно вследствие этих правомерных братских отношений внутри семьи, стремится вырваться из братства семьи, так как он чувствует, что для свободного развития души он должен оставить семью, где можно жить по-братски. Мы видим: свобода, свободное развитие душевной жизни может вступить в конфликт с наилучшим из всех возможных: братством.

Конечно, поверхностный человек может сказать, что это было неправильное братство, оно не смогло ужиться со свободой одной души внутри братства. Но ведь сказать можно всё, что придёт в голову. Без сомнения, могут сказать и то, что все друг с другом уживаются. Недавно мне в руки попала одна диссертация. Среди защищаемых там тезисов был и такой: треугольник является четырёхугольником. Конечно, можно защищать и такое, можно было бы даже строго доказать, что треугольник есть четырёхугольник! Также можно было бы провести полное доказательство того, что братство и свобода совместимы. Но речь не об этом, речь о том, как кто-то ради свободы должен будет покинуть сферу братства и тоже будет покинут. Можно было бы привести и другие примеры.

Если бы кто-нибудь захотел перечислить дисгармонические отношения между братством и равенством, ему пришлось бы очень долго говорить об этом. Само собой разумеется, кто-нибудь снова мог бы в абстрактной форме представить себе: все могут быть равны, и можно показать, что братство и равенство совместимы. Но здесь речь идёт не об абстракциях, а о том, что наблюдается в действительности, если мы относимся к жизни серьёзно и

честно. В тот момент, когда мы узнаём, что человеческое существо состоит из телесного, которое изживается на физическом плане, из душевного, которое изживается в душевном мире, и из духовного, которое изживается в духовном мире, в этот момент перед нами раскрывается истинная перспектива, раскрывающая связь трёх могущественных слов, приведённых нами. Братство является важнейшим идеалом для физического мира. Свобода – для душевного мира, и, насколько человек находится внутри душевного мира, следует говорить о свободе души, то есть о таком социальном состоянии, которое полностью гарантирует свободу души. Теперь подумайте, как, начиная от индивидуальной для каждого из нас исходной точки, каждый из нас должен стремиться к духопознанию, к развитию нашего духа, чтобы с этим духом пребывать в стране духов. Тогда перед вашими духовными очами весьма скоро обнаружится, куда завело бы нас наше представление о духе, если бы каждый стал искать лишь на своём собственном пути, если бы каждый обретал совершенно отличное от других духовное содержимое.

Мы вообще как люди лишь тогда можем находить общий язык в жизни, если мы, каждый сам для себя, ведём духовные поиски и, в конечном счете, приходим к равному духовному содержанию. Можно говорить о равенстве в духовной жизни. О братстве – на физическом плане и в отношении со всем, что связано с законами физического плана и изживается в человеческой душе, исходя из физического плана. Свобода – в отношении всего, что как законы душевного мира изживается в человеческой душе; равенство – в отношении всего, что изживается в человеческой душе в соответствии с законами страны духов.

Вы видите, должен наступить мировой Новый год, когда будет возрастать согревающая, сияющая сила Солнца: того Солнца, которое должно дать сияющее тепло всему, что жило в тёмное время, но не было понято. Особенность нашего времени состоит в том, что некоторые устремления, некоторые высказывания остаются непонятыми.

Но и это может привести нас к благоговению и почтению по отношению к духовному миру. Представьте себе, как многие в третьем столетии пятого послеатлантического

периода высказывали эти слова, братство, свобода и равенство, и стремились к их реализации, в сущности их не понимая, тогда как мы уже имеем возможность понять и найти ответ на вопрос, откуда эти слова появились. Божественно-духовный миропорядок заранее внушил их ещё неспособной их понять человеческой душе для того, чтобы такими руководящими словами подвигнуть её к истинному миропониманию. Даже в таких фактах мы можем усмотреть в мировой эволюции исполненное мудрости водительство. В более или в менее удалённые от нас времена мы можем обнаруживать такое водительство; обнаруживать, как нередко мы лишь задним числом признаём, что сделанное нами прежде было проникнуто мудростью большей, чем мы могли тогда располагать. На это я обращал внимание в начале книги "Духовное водительство человека и человечества".

Если вы примите тот факт, что в мировую эволюцию, в эволюцию человека вошли в качестве направляющих слова, которые могли быть поняты только постепенно, тогда вам будет импонировать и некий образ, с помощью которого можно было бы охарактеризовать истекший период пятой послеатлантической культурной эпохи. Действительно, этот период можно было бы сравнить с Адвентом, когда долгота дня становится всё короче и короче. И вот в наше время, когда мы снова можем узнать об откровениях духовного мира, эволюция вступает в фазу, где светлое время, как нам представляется, становится всё длиннее и длиннее. Мы можем говорить о том, что этот период времени представляется нам аналогичным тем самым тринадцати дням, аналогичным возобновлению жизни во вновь возрастающих днях.

Но дело обстоит ещё глубже. Было бы неверно, целиком и полностью неправильно только ругать материалистическую эпоху, последние четыре столетия. Это было время великих открытий и изобретений, которые в материалистическую эпоху были названы именно "великими", время кругосветных путешествий, открытия ранее неизвестных стран, начала колонизации Земли. Это было начало материальной культуры. Постепенно подступало время, когда человек оказывался почти задушенным в этой материальной культуре. Наступало время, когда все духовные силы

человека использовались для постижения и овладения материальной жизнью. Как мы видели, всё больше и больше приходило в забвение то, что ещё сохранялось из древнего познания как созерцание, прозрение в духовный мир.

Но было бы неправильно только ругать материалистическую эпоху. Гораздо правильнее было бы другое; правильным было бы считать, что человеческая душа в своей бодрствующей части думает, мыслит материалистически, она основывает материалистическую науку и культуру, однако эта человеческая душа является целостной. Можно сказать: одна часть человеческой души основывает материалистическую культуру. Прежде эта часть была бездеятельной, люди ничего не знали о внешней науке, ничего не знали о внешней материальной жизни; тогда больше бодрствовала спиритуальная часть. (Это изображено на рисунке). В течение последних четырёх столетий бодрствовала именно та часть, которая основывала материалистическую культуру; но другая часть спала, она спала, эта другая часть человеческой души. Действительно, предрасположение к тому, что мы сейчас усиленно развиваем в человечестве, чтобы снова возвыситься до спиритуальности, заложено в эпоху материалистической культуры в тех членах души, которые спали внизу. "Человечество" по отношению к духовному познанию действительно было в это время Олафом Эстесоном. Действительно было. Только оно ещё не проснулось, это человечество! Духовная наука должна разбудить его.

Должно прийти время, когда и юные, и старые люди услышат слова, которые прозвучат из той части человеческой души, которая спала в тёмное время. Эта человеческая душа спала слишком долго, но мировые духи подступят к этой человеческой душе и воззовут к ней: о, Олаф Эстесон, проснись! – Но только мы должны как следует подготовиться, чтобы когда раздастся призыв: Олаф Эстесон, проснись! – мы не оказались без ушей, чтобы слышать. Для того-то мы и занимаемся духовной наукой, чтобы иметь уши, когда в эволюции человечества зазвучит призыв к спиритуальному бодрствованию.

Это хорошо, если человек иногда вспоминает, что он микрокосм, и что он сможет кое-что пережить, если

поднимется в Макрокосм. Мы видели, что время, то время года, в которое мы живём сейчас, благоприятно. Так попытаемся сделать эту новогоднюю ночь символом той необходимой для земной эволюции человечества Новогодней ночи, в которую наступит новая эпоха, в которую пробудится и будет всё более пробуждаться свет, душевный свет, созерцание, познание того, что живёт в спиритуальном, что из спиритуального может волнами втекать в человеческую душу и пронизывать её. Так давайте свяжем в эту новогоднюю ночь микрокосм наших переживаний с Макрокосмом надземных переживаний человечества; тогда мы сможем пережить то, что мы должны ощущать и переживать, тогда мы будем предчувствовать начало нового великого мирового дня пятого послеатлантического периода, дня, в начале которого мы находимся. Это время полуночи мы хотим пережить с достоинством.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах 1-го января 1915 года

Моральное переживание мира цвета и музыкальных тонов

Каждая вещь, каждый факт мира, а также и каждый поступок человека – все они имеют две стороны, они образуют как бы две полярные противоположности.

Вчера я обращал ваше внимание на то, как из эмоционального понимания нашего духовнонаучного мировоззрения в душу человека должны входить благоговение и преданность по отношению к духовному миру. Другой стороной такого благоговейно-преданного отношения является энергичная работа в своем собственном внутреннем мире, энергичное удержание в руках эволюционных факторов в собственной душе, взгляд вверх, на то, что наши переживания, которые мы испытываем в рамках нашего опыта, мы всегда использовали для того, чтобы чему-то научиться у них, немного пройти вперед в отношении сил нашего внутреннего мира, для того, чтобы мы всегда

избегали опасности потерять самих себя; это тоже встречается в жизни, это происходит с нами сплошь и рядом, понимаем ли мы это с легкостью или с трудом. Для того, чтобы мы всегда имели возможность сохранить себя, чтобы мы могли из самих себя достигать силу, развивать понимание того, что часто подступает к нам как нечто внешнее, и может казаться непонятным, чтобы мы позволяли благоговению перед вещами, - о чем было упомянуто вчера, - сильно воздействовать на нашу душу, чтобы эта душа могла обрести правильное понимание по отношению к мировому бытию. - вот то, мои дорогие друзья, что хотелось бы мне сегодня, в начале года, сообщить в качестве новогоднего привета. Мне хотелось, чтобы за воспоминанием о благоговении следовало бы воспоминание об энергичной работе над нашим внутренним миром. Символом для такой последовательности воспоминаний является то, что в эту новогоднюю ночь нам светит из Космоса полная Луна. Если бы было наоборот, если бы начало года сопровождалось новой Луной, новолунием, то мне следовало бы в обратной последовательности вносить эти воспоминание в ваши сердца. В этом случае вчера я завершил бы год воспоминанием о внутренней эволюции, а сегодня за этим последовало бы воспоминание о благоговении.

Принимать во внимание такой символ, который сияет нам из Макрокосмоса, есть то, что все больше и больше должно будет рассматриваться как нечто важное. И если мы будем иметь в этом году спокойные мгновенья, то да позволим мы этому знамени, знаку действовать на себя, дадим ему воздействовать на нас так, чтобы в этом году могло иметь особенное значение, прежде всего, продумать то, что может сделать из нас сила благоговения, а затем продумать то, что должна сделать из нас сила внутреннего получения и сохранения внутренней душевной энергии.

Эта последовательность для данного года получена нами из звездных писем; мир будет постепенно всё снова и снова постигать то, что чтение звездного письма всё же имеет значение для человека. Так мы пытаемся в этих отдельных подробностях, деталях почитать великие законы человеческого бытия, достигать созвучия между Макрокосмом и микрокосмом. Макрокосм элементарнейшим образом, именно в этой лунной фазе выражает себя для нас в эти дни, и мы находим созвучие Макрокосма с микрокосмом, если мы в течение этого года будем поступать в соответствии

с тем, что рождается при таких болезненных обстоятельствах.

Если вы обратите внимание на основной тон сообщений последних дней, он покажет вам, что мы, - по отношению к важным для нас фактам, которые стали важными для нас благодаря этим духовнонаучным рассматриваниям, - живем в поворотное время, во время надежд, в то время, когда в нас должны возникать предчувствия того, каким образом должен происходить в дальнейшем ход культурного развития человечества на Земле, какой поворот должен произойти от чисто материалистического мировоззрения к спиритуальному мировоззрению. Однако то, на что указывается здесь, не сможет по настоящему выступить в полном объеме, если не захватит все области жизни, и, прежде всего в высшей степени не охватит область духовной жизни.

Из разных указаний мы можем знать, как действительное, проникнутое эмоцией, а не только рассудочное понимание духовнонаучного мировоззрения, должно иметь своим следствием поворот, как в художественном творчестве, так и в области потребления искусства; поворот к тому, чтобы могли излиться силы, приходящие к нам из духовнонаучных воззрений для художественного охвата мира. Разве не попытались мы нашим зданием наметить своего рода импульс, для, по крайней мере, малой части того, что из духовнонаучных импульсов может влиться в образы искусства, в художественные формы, в то, что мы можем иметь перед собой как искусство?

Полностью погружаясь в ощущения и чувства, которые может вызвать в нас духовнонаучное мировоззрение, мы можем увидеть перед собой время, время, когда путь к художественному началу во многих отношениях становится иным, нежели был он в истекшее время; наступает время, когда этот путь становится гораздо больше наполнен жизнью, когда то, что является средствами художественного творчества, значительно интенсивнее переживается человеческой душой, нежели было это в истекшие времена, наступает время, когда цвета и звуки будут переживаться человеческой душой гораздо интимнее, когда человеческая душа сможет в некотором роде переживать морально-спиритуальное начало, когда в произведениях искусства будут выступать нам навстречу следы космических переживаний души мастера-художника.

По существу, образ действий как у создателей произведений искусства так и у зрителей, пользующихся ими, представлял собой некоего рода внешнее созерцание, апеллирующее к тому, что могло подступить к художнику извне. Зависимость от природы и модели становилась при таком созерцании все больше и больше. Не следует, впрочем, односторонне указывать на возможность отвержения природы, отвержения внешней действительности в искусстве будущего. Это было бы чуждым. Становится необходимым указывать на еще более интенсивное совместное бытие с внешним миром, на столь сильное совместное бытие с ним, которое простирается не только на внешнее впечатление от цвета, звука и формы, но также и на то, что может быть пережито за звуком, за цветом, за формами, на то, что открывается в цвете, звуке и форме.

В этом отношении человеческие души сделают в будущем исполненные великого значения открытия. Они действительно свяжут свое морально-спиритуальное существо с тем, что приносит нам чувственно-воспринимаемая видимость. В этой области можно предвидеть бесконечное углубление человеческой души. Давайте сначала возьмем за основу нечто отдельное. Просто представим себе тот случай, когда мы направляем наш взор на окрашенную поверхность, сияющую красным цветом киновари, и примем дальше, что мы достигли способности забыть при этом все остальное, что есть вокруг нас, и полностью сконцентрировались на переживании этого цвета, так, что мы имеем перед собой этот цвет не только как нечто действующее на нас, но как нечто, в чём мы находимся сами. Тогда мы можем иметь как бы следующее ощущение: теперь ты сам находишься в этом мире, ты сам в этом мире становишься цветом, наиболее внутренняя часть твоей души целиком превратилась в цвет, и если бы ты мог выступить в мире с твоей душой, ты будешь выступать там как душа, наполненная красным, ты повсюду будешь жить в красном цвете, с красным цветом и исходя из красного. - Однако при такой интенсивной душевной жизни, это не может быть пережито без того, чтобы соответствующее ощущение не перешло в моральное переживание, в действительно моральное переживание.

Когда человек как бы плывет через мир как нечто красное, став идентичным с красным цветом, - когда для него сама его душа, как и мир, является совершенно красной, тогда в этом, ставшем красным мире, вместе с которым сам человек

превратился в нечто красное, не избежать ощущения, как если бы весь мир вместе с нами самими пронизан в этом красном цвете субстанцией божественного гнева, который со всех сторон излучается на нас за всё то, что есть в нас как возможность зла и греха. В этом бесконечном красном пространстве мы можем ощутить себя словно находящимися перед карающим Судом Божиим, и наше моральное ощущение может стать моральным ощущением, расширившимся в пространстве до бесконечности. И когда затем наступает реакция, когда в нашей душе всплывает нечто, если мы переживаем себя в бесконечно красном, - я мог бы также сказать, в единственно красном цвете, - тогда это может быть только так, что это можно было бы обозначить словами: человек учится молиться. Если человек может пережить в красном излучение и пылающее Божественного гнева относительно всего, что может находиться в человеческой душе как возможность зла, если человек может испытать в красном, как научиться молиться, - тогда переживание себя совместно с красным цветом бесконечно углубляется. Тогда мы можем также проследить, как красный цвет, формируясь, может выступить в пространстве.

Затем мы можем понять, как мы можем пережить некое Существо, которое излучает из себя добро, которое преисполнено божественной доброты и божественного милосердия; Существо, которое мы хотим ощутить в пространстве. Затем мы будем чувствовать необходимость того, чтобы эти ощущения присутствия в пространстве Божественного милосердия, Божественного блага, смогло выразиться в форме цвета. Мы ощутим потребность дать защиту тому пространству, чтобы оттуда излучалось благо и милосердие. Пока этой защиты не было, все это было собрано, будучи вполне сосредоточено в одном центральном пункте, а теперь это благо и это милосердие выносятся в пространство, распространяясь подобно облакам; так они отступают, рассеивают то, что отступает перед милосердием, и мы получаем чувство: ты должен сделать красный цвет текущим. И тогда мы получим чувство: здесь (изображается на рисунке) в середине мы должны слабо наметить своего рода розово-фиолетовый цвет, который излучается в рассеивающийся красный цвет.

Тогда всей нашей душой мы будем находиться при таком само-формировании цвета. Всей нашей душой мы будем чувствовать переживания, которые испытывали те существа,

которые особенным образом относятся к нашему земному становлению и которые, поднявшись до бытия Элохимов, научились создавать мир форм, исходя из цвета. Мы будем учиться ощущать нечто от созидания Духов Формы, которых мы знаем как Духов-Элохимов; тогда мы поймём, как формы могут быть произведены⁰⁰_{1F}ем цвета, что отмечено в нашей первой Дrame-Мистерии. Нам станет понятно кое-что относительно того, как окрашенная поверхность становится для нас тем, что следует преодолеть, если мы хотим вместе с цветом вступить в Космос. Если это происхо⁰⁰_{1F}дит при наличии сильного желания этого, тогда может возникнуть такое ощущение, какое живет в Штрадере в тот момент, когда он смотрит на портрет Капезия и говорит: "Проткнуть мне хочется картину".(перевод Николая Белоцветова)

Рассматривая такую мистериальную игру, вы увидите, как в этой мистериальном спектакле предпринимается попытка в действительно художественной форме представить то, что предстаёт перед нами, если наши души пытаются принимать нечто от космических сил, если они соперещивают себя вместе с Духами Космоса. Поистине, это и было началом всякого искусства. Но затем должна была придти материалистическая эпоха; и это древнее искусство, выступавшее со своими божественными оттенками, когда духовное, как внутренняя сущность, открывалось посредством материи, должно было измениться во вторичное материалистичес⁰⁰_{1F}кое псевдоискусство, которым в существенном является искусство материалистической эпохи, является тем искусством, которое не творит, но может только дополнять уже созданное. Признаком всего вторично-художественного, всего псевдо художествен⁰⁰_{1F}ного является то, что оно может только повторять, дополнять, что оно нуждается в теме, в сюжете чтобы, повторяя, следовать им, и что оно не является первичным и одновременно с содержанием не создаёт форму.

Возьмем нечто другое. Прделаем то, что мы сейчас проделали с красной поверхностью, с поверхностью, окрашенной в оранжевый цвет. С поверхностью оранжевого цвета мы будем испытывать нечто совершенно иное. Когда мы погружаемся в нее и становимся единой с нею, то мы не будем иметь тех ощущений божественного гнева, направленного на нас, но мы почувствуем: то, что теперь направлено на нас, еще лишь в самой малой степени имеет в себе серьезность гнева; но это нечто такое, что хочет

доверить себя нам, предаться нам, - оно не хочет нас только карать, но хочет вооружить нас внутренней силой.

Когда мы входим в этот мир и становимся едиными с поверхностью оранжевого цвета, мы движемся так, что с каждым дальнейшим шагом чувствуем следующее: посредством этого ощущения себя в оранжевом цвете, посредством этой жизни в силах оранжевого цвета мы вступаем в мир силовым образом, мы становимся сильнее и сильнее, нас не грозит раздавить суровая расправа, но то, что подступает к нам из оранжевого цвета, приходит, не только карая, но и усиливая. Так вживаемся мы в мир с оранжевым цветом. Тогда мы научаемся стремлению постигать сущность вещей и соединять с нею нас самих. Благодаря жизни в красном цвете мы учимся молиться. Посредством жизни в оранжевом цвете мы учимся познанию, - жажде познания внутренней сущности вещей.

Если же имеется поверхность желтого цвета, и мы проделываем с нею то же самое, тогда в этом переживании желтого мы чувствуем себя, я бы сказал, словно перенесенными в начало нашего цикла времени. Мы чувствуем: теперь ты живешь в тех силах, из которых ты был со⁰⁰_{1F}здан, когда вступал в твою первую земную инкарнацию. - То, чем является человек на всем протяжении существования Земли, он ощущает родствен⁰⁰_{1F}ным с тем, что выступает ему навстречу из окружающего мира, в который он несёт себя, став идентичным желтому цвету.

А если отождествляют себя с зеленым цветом, и с этим зеленым цветом шествуют через мир, чего можно достигнуть особенно легко, если пытаются позволить своему взгляду скользить по зеленому лугу и стараются отвлечься от всего остального, стараются полностью сконцентрировать внимание на этом зеленом лугу, погрузиться в зелень луга, созерцать зеленое как поверхность нек⁰⁰_{1F}ого красочного моря и затем погрузиться в зеленый цвет: если стараются жить в мире таким образом, то переживают внутреннее усиление того, чем является человек в отдельной инкарнации. Человек переживает, внутреннее оздоровление, но вместе с тем - также становление внутреннего эгоизма, возбуждение эгоистических сил в собственном внутреннем мире..

Если же это проделывают с поверхностью синего цвета, то шес⁰⁰_{1F}твуют через мир, ощущая потребность все дальше и дальше шествовать вместе с синим цветом, преодолевать в

себе эгоизм, и как бы становясь макрокосмическим, развивать самоотдачу. Ощущают себя счастливыми, если могут оставаться в этом представлении благодаря встрече с божественным милосердием. Идя через мир, человек чувствует себя щедро наделенным божественным милосердием.

Так учатся познавать внутреннюю природу цветового, хроматического. И как сказано, можно предвидеть наступление времени, когда подготовка, которую будет проходить живописец как художник, станет означать такое моральное переживание в цвете, когда гораздо интенсивнее, гораздо интимнее, нежели было это в древности, будет переживание, которое подготавливает к художественному творчеству. Ибо то, что я здесь даю, есть всего лишь отдельные намеки, отдельные указания на то, что еще должно быть развито в будущем дальше. Имея колоссальный смысл для художественного творчества, они будут охватывать человеческую душу и смогут оживлять её, тогда как вступление материалистического культурного развития в нашу теперешнюю эпоху опустошило человеческую душу, сделало ее пассивной. Души, благодаря внутренней силе должны будут снова побуждаться, они должны будут охватываться внутренними силами самих вещей. Таким специфическим примером, приведенным мною, являются текущие в мире цвета.

Совершенно подобным образом наступает углубление и оживление человеческой душевной жизни благодаря миру звуков. Существенной особенностью истекшего периода в этом отношении является то, что человек переживает отдельный музыкальный тон как таковой и затем отношение одного тона к другому. В будущем человек сможет своим переживанием проникать за музыкальный звук. Он станет воспринимать звук, как будто некое окно, через которое он вступает в духовный мир, и тогда он не будет зависеть от неопределенного чувства того, как тон при^{0 0}_{L F} соединяется к тону, например, становясь мелодией; нет, за отдельными звуками душа будет иметь морально-спиритуальные переживания посредством звука. Как через окно душа будет проникать в спиритуальный мир. Тайны отдельного звука будут раскрываться за звуком в этом переживании отдельного звука.

Мы еще далеки от того чувства, чтобы мы через каждый звук, как через окно, могли подниматься из мира внешних

чувств в спиритуальный мир. Но это придет. Мы станем ощущать музыкальный тон словно некое отверстие, который готовили Боги из лежащего по ту сторону от нас спиритуального мира, в этот физически-чувственный мир, и мы будем через звук подниматься из физически-чувственного мира в спиритуальный мир. Мы будем например, через "приму", которую мы ощущаем абсолютно, а не в примыкании к предшествовавшим звукам звуковой шкалы, чувствовать, как из чувственно-воспринимаемого мира мы поднимаемся в спиритуальный мир, хотя и исполненным опасности образом. Опасность состоит в том, что это восхождение угрожает полностью пленить нас, что прима, как страшная всасывающая сила, хочет захватить нас через окно этого музыкального тона и дать нам вполне исчезнуть в спиритуальном мире. Мы будем ощущать, если мы ощути́м приму как нечто абсолютное, что мы спиритуально еще слишком слабы в физически-чувственном мире, и что мы будем всосаны спиритуальным миром, если поднимемся через это окно. Это будет тем моральным ощущением, которое мы сможем иметь при восхождении в спиритуальный мир через приму. Однако я сейчас характеризую это упрощенно, оно будет ощущением, содержащим в себе весьма дифференцированные, бесконечно многообразные частности, которые мы тут переживаем.

Когда мы затем как через окно поднимемся из физического мира в спиритуальный мир посредством секунды, то мы ощути́м, как если бы по ту сторону, в духовно-спиритуальном мире были силы, которые будто бы испытывают сострадание к нашей слабости и говорят: как же ты ослабел в этом физически-чувственном мире! Если ты поднимешься в духовный мир только через приму, то я должен растворить тебя, должен всосать тебя, должен расщепить, раздробить тебя. Но если ты поднимаешься посредством секунды, то я хочу нечто принести тебе навстречу из духовного мира и напомнить тебе о том, что тоже находится по ту сторону. - Если мы поднимаемся из физического мира в спиритуальный мир посредством секунды, отличительным признаком является то, как если бы навстречу нам звучала некая сумма звуков, некое число звуков, которые некто воспринимает. В совершенно беззвучный мир вступают тогда, когда вступают в спиритуальный мир через абсолютную приму. В мир, в котором, если прислушаться, тихо звучат, различные высокие тона, которые хотят утешить человека в его слабости,

приходят тогда, когда проникают через секунду. Но проникать тут надо так, как, конечно нельзя проникнуть через окно в физически-чувственном мире, ибо тут наблюдается странное свойство, как если бы, проникая через окно, мы брали бы это окно с собой. Но в духовном мире это надо делать, надо брать окно с собой, брать с собой эти звуки, и идентифицируясь с ними жить по ту сторону в спиритуальном мире, по ту сторону перепонки, пелены, отделяющей нас от физически-чувственного мира.

Когда в духовный мир вступают через терцию, то чувствуют сильную, ещё более сильную слабость. Если человек вступает в спиритуальный мир так, то он будет чувствовать, что был, в сущности, слаб в физически-чувственном мире, слаб по отношению к его спиритуальному содержанию. Но по отношению к терции, - ведь он становится звуком, он сам становится терцией, - человек чувствует, что тут, по ту сторону, есть друзья, которые сами не являются терциями, но которые подступают к нему сообразно тому, как был он подготовлен в физически-чувственном мире. В то время как при проникновении в спиритуальный мир через секунду, имеется как бы тихое звучание многих тонов, с которыми человек живет сообща, - то при проникновении через терцию, навстречу человеку звучат как бы дружественные тона. Те, кто хотели бы стать композиторами, должны проникать в спиритуальный мир в особенности через терцию, ибо в этом случае им даются последовательности звуков, музыкальные композиции, побуждающие их художественное творчество. Не всегда эти дружественные звуки бывают одними и теми же для человека, но их род зависит от того, каким человек был в своем настроении, переживании, темпераменте, короче, какой образ жизни он вёл, если он вступает в духовную жизнь через терцию; при этом даётся бесконечное многообразие мира звуков.

Если же в духовный мир проникают через кварту, то имеют достойное внимания переживание: переживают, что теперь ни с какой стороны не всплывают никакие другие звуки, но то самое, что уже всплыло, что было пережито на опыте с терцией, живет в душе в легко приходящих воспоминаниях. Тогда, живя дальше со своими звуковыми воспоминаниями, - проникнув в спиритуальный мир через кварту, - обнаруживают, что эти звуковые воспоминания все время принимают разную окраску, что они, то развиваются до ярчайшей светлости, радости, то впадают в депрессию

крайний печали, - становятся то солнечно светлыми, то траурными вплоть до могильного покоя. Температура голоса, повышение и понижение звука, короче, ход изменения нас⁰⁰_{1F}троения музыкального произведения, задаётся таким путем, посредством этих музыкальных воспоминаний.

Квинта дает более субъективные опыты и переживания; она дейс⁰⁰_{1F}твует, стимулируя и обогащая душевное переживание. Она действует по⁰⁰_{1F}добно некой волшебной палочке, расколдовывая тайны мира звука из непостижимых глубин.

Такие переживания человек будет иметь, тогда, когда общаются с вещами и явления⁰⁰_{1F}ми окружающего мира, не просто глядя на них, слушая их, но когда их внутренне переживают. Благодаря переживанию такого рода относительно цве⁰⁰_{1F}та и звука, но также и относительно форм, короче, относительно всего худо⁰⁰_{1F}жественного, может быть найден путь, по которому надо пойти человечес⁰⁰_{1F}тву, чтобы вообще выйти из чисто внешнего отношения к вещам и событиям, - что является признаком материалистической эпохи, - и проник⁰⁰_{1F}нуть во внутренние глубины вещей, в их тайны.

Тогда к человеку придет сознание, - в высшей степени значительное сознание, - об его связи с Божественно-духовными силами, которые руко⁰⁰_{1F}водят им и ведут его через мир, но для материа⁰⁰_{1F}листического сознания остаются на уровне подсознания. И тогда, прежде всего, выступит нечто подобное внутреннему переживанию тех сил, которые, например, проводят человека от одной инкарнации к другой.

Если мы не растопим локомотив, он не поедет вперед по железно⁰⁰_{1F}дорожному пути. Силы, приводящие к свершениям в мире, должны непре⁰⁰_{1F}станно побуждаться. Так должны побуждаться и те силы, которые толкают человека вперед. Но человек должен учиться знанию о своей связи с этими силами.

Мне пришлось получить следующий достойный внимания опыт. Был один правовед, один адвокат, очень известный в одном месте, где я какое-то время жил; один крайне знаменитый адвокат, к которому люди прямо-таки стекались, считая, что именно он должен вести труднейшие процессы. Так оно и было во многих случаях. Его адвокатская диалектика была исключительна, и люди, которые его знали, с большим почтением относились к его адвокатской диалектике. Ему дали вести один трудный процесс одного

богатого человека. Дело шло о наложении большого штрафа на этого богатого человека в результате процесса, в случае вынесения обвинительного приговора. Адвокат напрягал самую изошрённую диалектику, проявлял удивительнейшую адвокатскую ловкость. Он выступал с длинной речью, и в аудитории сложилось впечатление, что если присяжные, - а дело разбиралось в суде присяжных, - не оправдают обвиняемого, то неизвестно будет, где же должны находиться пределы адвокатского искусства! Все, кто слышал, какую невероятную последовательность проявил адвокат, были уверены, что присяжные сейчас удаляться, чтобы оправдать обвиняемого.

Однако в этом суде был не только ловкий адвокат, но и ловкий председатель суда; несмотря на то, что времени для вынесения приговора было ещё вполне достаточно, этот председатель заявил: на сегодня мы прерываем заседание и продолжим завтра. - На следующий день, до обеда, должно было состояться заседание присяжных; вследствие этого присяжные имели целую ночь времени, чтобы ещё раз поразмыслить над этим делом. Наступил следующий день. Это «затягивание решения» на одну ночь, как он потом это называл, было для адвоката крайне неприятным. Заседание началось, присяжные удалились, все ожидали их возвращения с напряжением, но самое большое напряжение испытывал сам адвокат. Через четверть часа присяжные вернулись назад; когда адвокат услышал, что присяжные через такое короткое время возвращаются из совещательной комнаты назад, он упал в обморок. Да, он упал в обморок. Он пришёл в себя, его поддерживал один из его друзей. Обвиняемый был действительно осужден. Но адвокат узнал об этом только после того, как очнулся от обморока.

Что можно было бы сказать с чисто человеческой точки зрения, наблюдая внешний ход этих фактов? Могли бы сказать так: адвокат был очень тщеславным человеком, и для него столь многое зависело от выигрыша в этом процессе, что он упал в обморок перед вынесением приговора. Когда он увидел, что присяжные совещались так недолго, он уверился в том, что обвиняемый осужден, поскольку для его оправдания им потребовалось бы гораздо больше времени.

Однако дело обстояло не так, как можно было бы представить себе его при внешнем рассмотрении. За этими событиями скрывались иные обстоятельства, о чем я сейчас расскажу. Другие обстоятельства или история состояла вот в

чём: этот адвокат незадолго до этого процесса был захвачен тем, - а я его хорошо знал, - что можно было бы назвать дьявольской игрой. Он брал деньги, доверенные ему на хранение и играл с ними на бирже. Это было его чистейшей страстью, и незадолго до начала этого процесса, он проиграл большой денежный вклад, доверенный ему. Ему было обещано, что если он выиграет этот процесс, получит так много, что сможет компенсировать недостачу.

Итак, он упал в обморок не из-за болезненного тщеславия; нет, он упал в обморок, когда через четверть часа присяжные вышли с обвинительным приговором, поскольку его состояние было тем самым фактически уничтожено. Ибо теперь он уже не мог надеяться на то, чтобы снова возместить проигранный им денежный вклад. Итак, всё его положение зависело от результата этого процесса. Его падение в обморок было символическим указанием на то, что в этой инкарнации он вообще был уничтожен. Затем он был вынужден бежать в Америку, и влачил там, в Америке весьма незавидное существование на весь остаток своей инкарнации.

В этом случае мы видим следующее. Мы видим, что очень часто в жизни выносятся ошибочные суждения, причем исключительно хорошими людьми, которые никогда не испытывали чего-то подобного тому, что разыгрывалось за кулисами этого процесса. Если бы они только слышали на процессе этого, так хорошо обученного диалектике адвоката, и затем увидели, как он падает в обморок, они вполне могли бы вынести такое суждение: есть люди, которые столь тщеславны, что из-за одной неудачной речи теряют сознание. - Можно было бы так и остаться с таким суждением.

Чтобы мочь в данном случае судить правильно, надо было ещё знать слой фактов. Для многих дел необходимо знать даже много слоев, так как иначе можно быть правым относительно одного слоя, который видят, но, тем не менее, выносить неверное суждение. Это внешнее. Но дело имеет дальнейшую закулисную основу. Этот человек должен был найти путь из этой инкарнации в следующую. Тут мы имеем пример того, как мудрое мировое водительство как бы внедряет в душу те силы, которые необходимы, чтобы перенаправить душу из одной инкарнации в следующую. Этот человек пришел к такому жизненному конфликту, что этот жизненный конфликт лишил его возможностей к существованию. Возникло страшное положение; положение было таково, что больше не существовало сил, которые могли

бы перенести его в ближайшую инкарнацию. И вот происходит случай, когда ненадолго его сознание гаснет. И в то время, когда сознание в этой человеческой душе ненадолго погасло, в эту человеческую душу извне смогла внедриться спиритуальность самых разных видов. В этот момент в неё проникли силы, пригодные для того, чтобы дать ему импульс, побуждение для перехода в следующую инкарнацию. Конечно, такая подача импульса, подача побуждения происходит в самых разных формах. То, что я описываю здесь, было особенным случаем.

Эти стимулы всегда имеются в наличии. Но тем самым я всего лишь хотел показать вам, как сознательная жизнь человека примыкает к бессознательному течению, как в сознательном её течении имеются точки, где она сжимается для того, чтобы нечто могло придти из бессознательного. Эти бессознательные моменты не должны продолжаться долго, это может быть коротким обморочным состоянием. И, тем не менее, бесконечно многое может из спиритуально-жизненных сил излучиться в природу человека, может быть и из злых сил, которые способны на то или иное.

Этот последний пример и то, что я хотел сообщить вам с его помощью, я привел по той причине, чтобы показать, как при наблюдении мира человечество должно пытаться принять к сведению те связи, которым материалистическое мировоззрение не придаёт значения.

Человек будет приходить к тому, чтобы постепенно вглядываться в те жизненные связи, чтобы познавать те моменты, когда к каждому человеку подступает спиритуальное. В будущем мир не будут рассматривать так односторонне, так однозначно, как это делают сейчас, когда пытаются объяснить его материальными причинами. Нет, в будущем мир будут отображать так, что материальное начало поставят на подобающее ему место, и в то же время узнают, что тут есть многое, помимо чисто материальных явлений, узнают, что через материальные явления проглядывает спиритуальное.

Если в цвете и звуке мы будем видеть окна, поднимаясь через которые мы духовно вступаем в спиритуальный мир, то жизнь в свою очередь раскроет нам окна, через которые духовный мир вступит в физический мир. Обморок адвоката был таким окном. Если мы правильно истолкуем это событие, мы должны будем сказать: через такие окна спиритуальная жизнь устремляется в нас. Мы видим, как здесь, входя в нас,

разыгрываются силы, которые мы не можем истолковать на чисто чувственном уровне. Итак, в звуках имеется окно, через которое мы из чувственно-воспринимаемого мира поднимаемся в спиритуальный мир. И опять-таки, имеется окно, через которое, в нас входит спиритуальное, если мы остаемся в физически-чувственном мире.

Если мы не замечаем, что спиритуальное входит в нас через такие окна, тогда дело обстоит так, как если бы человек, не умеющий читать, раскрыл прекрасную книгу. Перед ним находится то же самое, что находится перед тем, кто умеет читать; но если он не умеет читать, он видит перед собой какие-то каракули на белой бумаге, которые он не в состоянии понять, растолковать, в лучшем случае он может списать их. И только тот, кто умеет читать, в состоянии в этой книге исследовать по этой книге судьбу или мудрость, которая заключена в этих странных знаках. Тот, кто не может прочесть мировые явления, стоит перед явлениями как неграмотный относительно Космоса. А тот, кто умеет читать, вычитывает из этих вещей ход духовного мира. Для нашего материалистического мира характерно, что люди вследствие материализма являются неграмотными по отношению к Космосу, и неграмотность тут почти стопроцентная. В эпоху, когда так гордятся тем, что в культурных странах неграмотность в процентном отношении сильно уменьшилась, мы с воодушевлением расплачиваемся неграмотностью в отношении Космоса.

Преодолеть эту космическую безграмотность – есть задача духовной науки. Теперь немного людей неграмотных в обычном смысле. Во времена древнего ясновидения было гораздо меньше неграмотных по отношению к духу. Но гордиться этим всем нам не следует. Правда в том, - если мы предчувствуем нашу задачу в духовнонаучном течении, - что мы из неграмотных должны стать грамотными по отношению к Космосу. Но при этом мы не должны терять смирения: ведь сегодня дело обстоит так, что мы сильно нуждаемся в элементарной школе. Едва ли мы подошли к настоящему чтению, но лишь, к своего рода, изучению букв, чтению по складам. Но мы, всё же, можем быть охвачены преобразующим импульсом, который вследствие этого внедряется в эволюцию человечества. И если мы будем охвачены им, мы правильным образом поставим себя по отношению к тому, что, так сказать, требуют от нас знаки времени, поставим себя как настоящих сочленов потока духовнонаучного мировоззрения.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ
Дорнах, 4 января 1915

Пластически-архитектурные образы (2)

Архитектура первого Гётеанума. Кости черепа как преобразованные кости позвоночника. Кости человека как трансформация одной единственной формы. Видоизменения мертвого и живого. Все, даже крайне непохожие друг на друга облики являются метаморфозой одной и той же формы. Органическая связь модели котельной с основным зданием. Три формы ясновидения: пифическое, пророческое и духовнонаучное. Почему в оккультных обществах нарастает дисгармония, стремление к ссорам и обоюдному злословию. Гармония форм в здании и гармония отношений в Антропософском Обществе.

Сегодня в качестве исходного пункта мне хотелось бы начать с небольшого рассмотрения о помещении котельной, относящемся к нашему зданию, и в нескольких словах изобразить архитектурный принцип этого помещения котельной. Если вы хотите рассматривать архитектурный принцип этого здания котельной, вы должны обратить внимание на то, что это здание сопряжено с общим комплексом Бау (Гётеанума) как часть, которая в некотором смысле тоже принадлежит Бау (Гётеануму). Сказанное: это нечто, принадлежащее Бау (Гётеануму), - должно быть выражено в художественном замысле Бау (Гётеанума), если эти замыслы правильны. Это не должно быть абстракцией, но должно быть выражено в художественной форме.

Речь идет о том, чтобы обратить внимание на следующее: как вообще обстоит дело с этими сопринадлежащими формами? – Мы подойдем к рассмотрению этого вопроса ближе всего, если обратим внимание на ту великую творческо-художественную деятельность, наглядность которой мы обнаруживаем, если мы в состоянии рассматривать природу духовно, рассматривать природные творения как происходящие из духа. Поскольку такое рассмотрение представляет собой нечто относительно простейшее, мне хотелось бы направить ваш взор на те формы, которые выражаются в костной системе. Все остальные члены органических существ в их формах исследовать ещё труднее, чем приведенную в качестве примера костную систему человека.

Вы знаете, что на протяжении десятилетий моим стремлением было вызвать в мире понимание значительности того, что было достигнуто благодаря великим анатомически-физиологическим открытиям, сделанным Гёте, что явилось, так сказать, вторым его величайшим трудом в этой области. Первого я сегодня не хочу касаться, я хочу указать лишь на второй. Это второе значительное открытие обязано своим появлением тому, что во внешнем материалистическом мире можно было бы назвать соединением случайности с гениальной человеческой натурой. Сам Гёте рассказывает, что однажды на прогулке в Венеции, оказавшись на еврейском кладбище, он нашел бараний или овечий череп, отдельные костные части которого распались по своим швам. Когда он поднял этот череп и рассматривал форму его костей, ему пришла в голову некая мысль, такая мысль: я разглядываю эти кости головы, но чем же, в сущности, они являются? Они являются видоизмененными, преобразованными костями позвоночника.

Вы знаете, что позвоночный столб, внутри которого как нервный тяж заключен спинной мозг человека, состоит из отдельных звеньев, из расположенных друг над другом позвонков, позвонков, сформированных определенным образом, у которых есть отростки. Если представить себе, что такой позвонок расширяется, расширяется как бы так, что то отверстие, через которое проходит спинной мозг, - ибо позвонки располагаются друг над другом, - становится всё больше, а кости соответственно утончаются, и тоже расширяются как нечто эластичное, расширяются не только в горизонтальном направлении, но также и в других

направлениях, то из этих костей позвоночника возникает форма, являющаяся ничем иным, как формой костей, составляющих оболочку нашего черепа. Кости нашего черепа являются, следовательно, преобразованными костями позвоночника.

Если мы стоим на почве духовной науки, мы можем это открытие Гёте разработать ещё дальше. Сегодня оно может рассказать о более отдаленно построенных формах, рассказать о том, что все кости, которые вообще имеет человек, являются трансформациями, метаморфозами одной единственной формы. Этому не замечают всего лишь по одной причине; поскольку имеют слишком примитивные воззрения на то, что может возникнуть посредством преобразования, посредством переформирования. Если вы, я бы сказал, внимательно рассмотрите плечевую кость, плечевую кость трубчатой формы, - вы ведь знаете, как выглядят кость, - то она просто так не покажется вам похожей на кость, которую мы носим на голове. Это, однако, происходит только от того, что человек недостаточно далеко ушел в размышлении об идее метаморфозы.

Сначала представляют, что такая трубчатая кость должна растопорщиться, раздуться, когда же она раздулась и внутри её образовалась полость, должна получиться черепная кость. Но дело с этой костью обстоит не так; нет, с трубчатую кость надо сперва вывернуть наизнанку, увидеть её сходство с черепной костью можно после того, как мы вывернем её как перчатку, у которой мы внутреннюю часть выворачиваем наружу. Однако, не правда ли, человек привык, выворачивая перчатку, что получившееся при этом выглядит похожим на прежнее; но ведь перчатка есть нечто мёртвое, если же мы имеем дело с чем-то живым, то это происходит не так. К примеру, если бы эта перчатка была чем-то живым, то при выворачивании произошло бы следующее. Возникли бы, например, некоторые изменения: большой палец и мизинец стали бы очень длинными, средний палец - очень коротким и так далее, плоскость ладони бы стянулась, сжалась и так далее. Вследствие выворачивания и вследствие различной эластичности вещества возникали бы совершенно различные изменения, короче, перчатка приняла бы вследствие выворачивания совершенно другую форму, несмотря на то, что оставалась бы всё той же перчаткой. Так что вы должны представлять себе, например, трубчатую плечевую кость вывернутой наизнанку; тогда из этого могла бы возникнуть черепная кость.

Вы должны представить себе, что мудрые Божественные власти в Космосе, когда они прикладывали для построения черепа необходимые для этого преобразующие силы, обладали большей мудростью, нежели имеет её сегодня гордый человек. Внутреннее единство всего природного основывается именно на том, что, в сущности, всё, даже крайне непохожие друг на друга облики, являются метаморфозами одной изначальной основной формы. В том, что способно жить, нет ничего, что возникло бы иначе, а не как преобразенная форма некой изначальной формы. При таком преобразении возникает затем нечто другое. Некоторые части основной формы будут представлять собой большую ценность, другие - меньшую. Отдельные члены увеличатся, причем увеличатся не в той же мере, как другие члены. Вследствие этого возникает несходства, которые все, тем не менее, являются преобразованием одной изначальной основной формы.

Давайте возьмем основную форму, которую я могу дать вам, если вы рассмотрите наше Бау (Гётеанум), в целом. То, что я должен сказать вам я могу обобщить схематически, обозначив при этом лишь одну из исходных точек, которые подлежат рассмотрению.

Рисунок 1

Если вы рассматриваете наше здание, наше бау, вы найдете, что это здание имеет сдвоенный купол, двойной купол, так что эти купола держатся на одном цилиндрическом фундаменте. Это здание с двойным куполом. Это существенно, ибо существование двойного купола на самом деле является выражением живого. Если бы купол был только один, то существо нашего здания было бы мертвым. Жизненность нашего здания выражается в том, что в некотором смысле один купол находит в другом сознательно отображенный образ, в том, что оба купола отражаются друг в друге, подобно тому, как то, что существует во внешнем мире благодаря человеку, отражается посредством органов чувств человека. Основная мысль двойного купола должна удерживаться во всём, что находится во внутренней, органической связи с нашим зданием, нашим бау, ибо то, что в какой-либо, пусть даже в

скрытой форме, не несло бы форму двойного купола, не выражало бы наш основной строительный замысел, основную мысль бау. Вот почему в этом вспомогательном здании тоже должен быть в наличии двойной купол.

Но возьмем двойной купол с его вспомогательными сооружениями, пристройками. Мы, прежде всего, имеем то, на чьё значение часто указывалось: пересечение обоих мотивов куполов, что представляет собой нечто новое в зодческом искусстве и что было осуществлено благодаря инженерному содействию господина Энглерта. Это пересечение обоих куполов у основного здания имело особое значение по той причине, поскольку оно выражало глубинную, внутреннюю взаимоотношенность того, что было обоюдным отражением. Я выражаю эту мысль об отражении, прежде всего, в абстрактной форме. В этом пересечении мотивов обоих куполов заложено бесконечное разнообразие, заложено бесконечно много. Лишь благодаря тому, что мы осуществили это пересечение мотива двойного купола, на дальнейшей художественной стадии нашего здания осуществится то, что является отблеском наших духовнонаучных мыслей, нашедших выражение в этом здании. Итак, это пересечение, это проникновение имеется в основном здании. И если бы мы, так сказать упразднили это пересечение, разделили, разъяли купольные мотивы, мы в большей степени приблизились бы тем самым к ариманическому принципу. Если бы мы ещё больше сблизили их, вдвинули друг в друга, стали бы строить их так, чтобы они были вставлены друг в друга, то мы приблизились бы при строительстве здания к люциферическому принципу.

Речь идет о том, чтобы ариманический принцип был выделен во вне из этого здания. Итак, здесь в этой пристройке, в этом вспомогательном здании дело в том, чтобы отделить купола друг от друга; ибо даже здесь у этой вспомогательной постройки идея куполов выявляется. Представьте себе, что купола удерживаются отдельно друг от друга, представьте себе, что на одной стороне этот боковой мотив (северный портал основного здания) выражен совсем слабо, так что эта пунктирная линия отпадает, тогда как по другую сторону она увеличивается (к дымовой трубе). Представьте себе основное здание так, что здесь (на юге) находятся раздвинутые купола, здесь - выступающая спереди часть здания, здесь - все здание сдвинуто (см. рисунок 2, пункт «а»), здесь, напротив всё здание вместо сдвигания, отодвинуто (в), здесь (а) полностью редуцировано,

вместо того, чтобы формироваться дальше. По другую сторону представьте себе её (выступающую переднюю часть здания на северном портале) особо разработанной: тем самым вы в основной форме имеете преобразенный мотив нашего основного здания, реализованный в относящейся к нему вспомогательной постройке. Ибо если вы представили бы себе это постоянное уменьшение с этой стороны (со стороны дымовой трубы) и возобновление с этой стороны, и сдвинули бы целое вместе, вы получили бы метаморфозу из вспомогательного здания в основное здание.

Это было показано на модели котельной.

Рисунок 2

Итак, речь тут идет о том, чтобы здесь мы имели некую подгонку, приведение в соответствие с тем, что должно здесь происходить, подгонку, осуществленную посредством метаморфозы нашего основного здания. Как кость позвоночника может произойти из той же самой основной формы, что и кость человеческого черепа, так, что можно представлять себе одно, как происходящее из другого, так же обстоит дело и с нашим главным зданием и вспомогательным помещением, о которых можно думать как о происходящих друг из друга посредством трансформации, преобразования. Идея формы, если она преобразуется, если она оживает, такова, что может из одной формы переходить в другую форму.

Мы действительно должны стать учениками творящих иерархий, которые творили посредством метаморфоза, и мы должны научиться, таким же образом подражать творящему принципу высших иерархий.

Рисунок 3

Однако, представьте себе, что здесь должна существовать сила, которая увеличивает (дымовая труба) то, что здесь на этой стороне (северный портал главного здания) проявляется как мало значащая боковая деталь. Если у вас есть маленький эластичный мешок, и вы хотите, чтобы он увеличился, вы должны изнутри раздвигать его в разные стороны, для того, чтобы он стал больше; должна быть сила, которое малое делает большим, которая его формирует. Итак, если здесь действительно должно будет растопыриваться такое боковое крыло, то растопыриваться оно должно посредством силы, которая здесь проникает его изнутри (см. рисунок 3, слева).

Что же это за сила, находящаяся тут внутри? Эти силы вы могли бы изучать в формах архитравов. Представьте себе, что силы, находящиеся в архитравах, перешли, перепрыгнули бы во вспомогательное помещение и стали бы напирать здесь: вы получили бы вот такую форму (дымовая труба и задняя стена). Надо только попытаться с мыслью о художественной форме вникнуть, отождествиться, проскользнуть в эти формы архитравов, обобщить их, растянуть их; надо представить себе, что вследствие такого проскальзывания, внедрения мы растягиваем то, что внутри мало'. Тогда возникает такая форма (дымовая труба и задняя стена). Приобщиться к цельности в творчестве нельзя иначе, как попытаться внедриться внутрь самого предмета.

В этом проникновении, отождествлении с предметом, в этом нахождении внутри предмета заложено подражание творящим силам самой природы; только на этом пути возможно полностью преодолеть богооставленность современной индустриальной культуры. Дымовую трубу, реализованную по иным принципам, вы не можете представить себе в качестве продукта природного созидания. Она возникает тогда, когда отвергают божественно-духовные силы природы. Едва ли есть нечто, что в природе можно было бы сравнить с такой дымовой трубой, разве только спаржу, довольно-таки противное растение. Но это до некоторой степени исключение. То, что действительно произрастает, произрастает в смысле существующих на Земле сил, никогда не может быть подобным дымовой трубе и простираться вверх; но если вы заходите изучить силы, действующие вверх, вы могли бы изучать то, что соответствует этим скрытым силам Земли, на примере дерева, ствол которого растет не только вертикально в высоту, но должен ветвями распространяться по наружным

сторонам. Конечно, не может быть и речи, чтобы в модели достичь непосредственного подражания, однако надо углубляться в те силы, которые излучаются от Земли и которые преодолевают чисто вертикальное направление древесного ствола, стремятся в ширину и выгоняют ветви. Тут имеющееся в пространстве, в Космосе внешнее разветвление, расхождение, служит основанием подобного разветвления (у дымовой трубы).

Так вплоть до мельчайших деталей, - а ведь я могу указывать только на самые общие, самые крупные принципы, - в каждой отдельной поверхности, я мог бы указать вам соответствие между этими принципами и этой архитектурной формой, но это длилось бы слишком долго.

Речь идет о том, что такая форма совершенна тогда, если она наполнена подобающим ей смыслом. Если вы теперь рассмотрите эту форму, то она ещё несовершенна. Она станет совершенной лишь тогда, когда внутри неё действительно будут топить, и из неё пойдет дым; он относится сюда же, он действительно принадлежит к этому, он мыслится как находящийся внутри такой архитектурной формы. Если человек когда-либо ясновидчески понаблюдает восхождение дыма через дымовую трубу, - а рассматривая что-либо ясновидчески, узнают, что в физическом также содержится и духовное, - то при этом он будет также рассматривать духовность этого восходящего дыма. Ибо как вы имеете физическое, эфирное и астральное тело, так и дым имеет, по крайней мере, эфирную часть. Эта эфирная часть, однако, идет другим путем, нежели физическая часть: физическая часть пойдет наверх, но эфирная часть будет захватываться этими отростками, которые выступают вовне. Будет одновременно видно, как физическая часть дыма поднимается вверх, а эфирная часть дыма отклоняется в стороны. Тем самым, однако, - если это выражается в форме, - это будет соответствовать принцип всякого искусства, а именно: выражать внутреннее во внешнем, действительно делать внутреннее принципом внешнего.

Как сказано, мне пришлось бы очень о многом говорить с вами, если бы я захотел входить в те, весьма интересные подробности, которые лежат в основе этой архитектурной формы. К наиболее интересному относится то, что удалось как следует воплотить в этом современном материале, в бетонном строении то, что должно было быть выражено. Ибо предоставилась возможность, при формировании из этого

современного материала идти всё дальше и дальше, создавая в этом стиле строения, которые служат современной ариманической культуре. Как раз это необходимо. Мне нет надобности входить в отдельные подробности, поскольку для меня дело в том, чтобы показать вам принцип этого здания и того, что с ним связано. Этот принцип может быть изменен во многих направлениях. Например, купол мог бы быть изменен, так что он уже не выглядел бы похожим на купол при чисто геометрически-математическом его рассмотрении, при рассмотрении, которое не является органическим, и так далее. Сегодня я хотел обсуждать только этот принцип: принцип внутреннего пересоздания и преобразования, принцип жизни в преобразении и в созидании. Я хотел привести это для того, чтобы показать вам, насколько истинное художественное созидание, будучи связано с нашей духовнонаучной мыслью, должно держаться вдали от всякой символической казуистики, так как эта символическая казуистика есть нечто внешнее. Речь тут идет о том, чтобы внутренне охватить то, что тут предложено и всей душой сопутствовать ему.

Когда здание будет готово, не хотелось бы всё снова и снова слушать вопросы: что означает то, что означает это? – а затем быть вынужденным выслушивать, как кто-то рад тому, что он, как он считает, нашел значение того или иного у данной вещи. Вследствие таких толкований, касающихся всяких поэтических и литературных продуктов, мы, на некоторых окольных теософских путях доходим до курьёза. Так, например, Драмы толкуются таким образом, что об одном персонаже говорят, будто бы он означает Манас, про другой персонаж, будто бы он означает Будхи, про третий, – будто бы он означает Атман и так далее. Так, при желании можно истолковать всё что угодно. Но речь идет не о толкованиях такого рода, но о жизни в самой вещи, о том, чтобы идти вместе с творящим началом, которое как изливание высших иерархий пронизывает и формирует весь наш мир. Но поскольку это труднее, нежели символическое или аллегорическое толкование, поэтому не следует отказываться от преодоления этих трудностей, ибо оно приводит в духовный мир и является наиболее сильным побуждением, чтобы по-настоящему придти к имажинации, к инспирации и интуиции.

К преобразующим импульсам современности принадлежит и необходимость все более и более далеко идущего понимания (процесса) восхождения души человека

в те регионы, которые открываются имагинативному, инспиративному и интуитивному рассмотрению. Ибо в тех сферах, которые раскрываются для этого наблюдения, заложено то, что только и делает наш мир единым, сводит его в единое целое, заложено то, что поднимает нас над чистой майей и вводит нас в истинную реальность.

Следует всё снова и снова подчёркивать; то, чему мы идём навстречу как новому духовному познанию, не может довольствоваться результатами прежнего ясновидения. Конечно, многие люди вытаскивают на свет это старое ясновидение, но время этого прежнего ясновидения уже миновало, и то, что может выступать у отдельных людей, есть лишь атавистические отголоски старого ясновидения. Но та ступень человеческого бытия, на которую мы должны взобраться, не раскроется, если будут подогреваться этим прежним ясновидением. Давайте попытаемся ещё раз рассмотреть то, что лежит в основе этого нового ясновидения. Мы уже часто указывали на принципиальные вещи, но мы хотим попытаться сегодня ещё раз указать на эти вещи с другой стороны.

Будем ещё раз исходить из того, что мы все знаем, из того, что человек в течение дневного бодрствования своим «я» и своим астральным телом живёт в своём эфирном и своём физическом теле. Но я уже подчёркивал в последние дни, что это бодрствующее состояние человека от пробуждения до засыпания, не является, всё же, полным бодрствованием, что нечто гораздо больше в человеке всё ещё спит. То, что мы ощущаем как волю, действительно бодрствует лишь отчасти. Наши мысли бодрствуют от пробуждения до засыпания, но воля является чем-то, что мы реализуем на грезящем, сновидческом уровне. О свободе воли и о свободе вообще рассуждают так много и безрезультатно, поскольку люди не принимают к сведению, как то, что им становится известно о воле при дневной бодрственной жизни, является всего лишь сном, грёзой о волевых импульсах. Когда вы волите и имеете об этом какое-то представление, то вы, несомненно, бодрствуете. Но как осуществляется воля и переходит в поступок, об этом человек в бодрствующем состоянии в дневной жизни всего лишь грезит.

Если вы поднимаете кусок мела и представляете себе это поднимание мела, то вы, во всяком случае, можете представить себе это. Но как текут в руке «я» и астральное тело, как распространяется воля, об этом вы в чисто

бодрствующем сознании без ясновидения знаете не больше, чем знаете вы о сне, когда вы спите. О воле как таковой человек может в обычной бодрствующей дневной жизни лишь грезить, причем в большинстве случаев мы даже не грезим, а просто спим. Как вы берете на вилку кусок пищи, вы можете ясно представить себе; как вы жуёте эту пищу, вы, до известной степени, можете также представить себе; но вот как вы поглощаете, усваиваете эту пищу, вам даже не снится. В этом отношении вы по большей части находитесь в бессознательном состоянии, как находитесь вы в бессознательном состоянии по отношению к вашим мыслям, когда вы спите. Так что большая часть именно волевой деятельности в бодрственном состоянии производится в бодрствующем сне.

Если бы мы не спали по отношению к потенции наших желаний, и в отношении наших, связанных с потенцией желаний, импульсов чувства, то могли бы в первую очередь развивать одну своеобразную деятельность. Действия, которые мы выполняем, мы стали бы проследивать вплоть до нашего тела, мы стали бы следовать за всем тем, что мы реализуем как волевые импульсы, следовать, отождествляясь со своим внутренним миром, следовать по пути нашей крови, по всем кровеносным путям. Это значит, что если мы могли проследить процесс поднятия куска мела по отношению к волевым импульсам, то стали бы по всему кругу кровообращения следовать за тем, что происходит в нашей руке; вы стали бы изнутри разглядывать ту деятельность крови и чувства, которые связаны с этим; например, тяжесть куска мела и тому подобное вы стали бы созерцать внутренне, и тем самым убедились бы в том, что вы исследуете ваши нервные пути и находящиеся в них эфирные флюиды. Вы стали бы сопереживать себя по ходу деятельности крови и нервов. Это стало бы внутренним приятным восприятием деятельности собственной крови и нервов. От этого внутреннего наслаждения собственной деятельностью крови и нервов, мы, однако, должны быть избавлены, иначе мы стали бы проходить через нашу земную жизнь так, что хотели бы при всем, что мы делаем, испытывать внутреннее самонаслаждение. Наше удовольствие от нас самих вследствие этого повысилось бы до бесконечности. Однако человек, каким он когда-то стал, невозможно иметь это наслаждение.. И тайна, почему он не смеет иметь такое наслаждение, заключена в одном месте, высказанном в Библии; по отношению к этому месту мы

всегда должны ощущать наибольшее благоговение. В соответствии с тем, что выражено в мифе о рае, человеку было разрешено вкушать от древа познания, но не от древа жизни. То внутреннее наслаждение было бы вкушением от древа жизни. Это не должно было бы произойти с человеком. Я бы не хотел сегодня далее развивать этот мотив, ибо это завело бы слишком далеко, но вы посредством собственной медитации могли бы ещё дальше развить то, что было обозначено здесь как мотив. Исходя отсюда, вы могли бы обратить внимание на нечто другое, что может быть важно для нас в эти дни: то, что мы не можем есть со древа жизни, означает, что мы не можем наслаждаться деятельностью крови внутри себя, наслаждаться нервной деятельностью внутри себя, - вот чего мы не можем. Когда мы познаём внешний мир именно посредством наших органов чувств и нашего рассудка, осуществляется нечто, связанное с таким внутренним наслаждением. При восприятии какой-либо вещи внешнего мира, а также при размышлении о какой-либо вещи внешнего мира мы по направлению к органам чувств, - то есть по направлению глаз, ушей, носа, вкусовых нервов, - следуем по кровеносным путям; когда же мы думаем, мы прослеживаем нервные пути. Однако мы не воспринимаем того, что можно было бы воспринимать внутри этих нервных путей и крови; нет, но то, что мы могли бы воспринять в крови, рефлектируется посредством органов чувств, отталкивается назад, отражается, вследствие чего и возникают ощущения органов чувств. А то, что осуществляется благодаря нервным путям, тоже рефлектируется, отбрасывается назад там, где эти нервные пути заканчиваются, а затем зеркально отражаются в качестве наших мыслей.

Давайте допустим, что появился бы человек, который был бы в состоянии прослеживать, наблюдать свою кровь, - а затем то, что проделывает его кровь, сохранять, отражая, сохранять в отраженном виде, - который мог бы пролеживать свои нервы и сохранять в отраженном виде то, что эти нервы проделывают, - который мог бы выполнять все это не только под влиянием внешнего мира, но мог бы изнутри переживать то, в чем нам отказано по отношению крови и ощущающих нервов; внутренним образом переживать тенденцию крови по направлению к глазу и нервам, - то такой человек стал бы испытывать внутреннее наслаждение, - по крайней мере, по отношению к части крови и нервов. Вследствие этого возникают те образы, те картины, которые относятся в

атавистическому внутреннему ясновидению. Ибо то, что отражается для нас, является всего лишь образами, как бы отфильтрованными образами того, что находится в нашей крови и в наших нервах. В крови и в нервах находятся Мировые тайны, но такие Мировые тайны, которые исчерпали себя из-за того, что мы вследствие них возникли. Мы знакомимся лишь с самими собой, когда знакомимся с теми имагинациями, которые даются нам, когда мы переживаем себя в нашем подступающем к органам чувств, кровотоке; если же мы вживаемся в нервы, подступающие к органам чувств, то знакомимся лишь с теми инспирациями, которые предназначены для того, чтобы формировать нас самих.

Однако, тем самым может основываться весь внутренний мир. Этот внутренний мир может быть суммой имагинаций. Но в то время как при восприятии внешнего физического мира мы, - соответствующим для нашего земного развития образом, - воспринимаем отражения и зеркальным образом наших процессов крови и нервов, мы можем - с наслаждением погружаясь в себя самих, - исходить не от органов чувств, но только доходить до того пункта, где кровотоки впадают в орган чувств. Тогда человек переживает имагинативный мир так, что он как бы плавает в крови как рыба в воде. Однако в действительности, этот имагинативный мир не является внешним миром, но миром, который живёт в нашей крови. Если же человек живёт в нервах, которые доходят до органов чувств, он переживает инспиративный мир, мир музыки сфер и мир внутренних образов. Это снова нечто космическое, но оно не представляет собой ничего нового. Это всего лишь нечто, исчерпавшее свою задачу, войдя в нашу нервную и кровеносную системы.

Так возникает это ясновидение; оно не выводит человека за свои пределы, но наоборот, вводит его ещё глубже в себя, является самонаслаждением, действительным настоящим самонаслаждением. Оно является причиной того, почему в людях возникает в некотором смысле высшая похоть, если они становятся ясновидящими, если они переживают новый мир. В целом надо сказать, что наступление этого ясновидения является возвращением на более раннюю эволюционную ступень. Ибо то, что я вам описал, как жизнь в собственных органах чувств и в крови, прежде не существовало в той форме, как оно существует теперь, однако нервная система уже была подготовлена. Тот способ восприятия был правомерным, регулярным восприятием

человека на древней Луне; в том, что существовало тогда как подступы к нервам, он воспринимал себя внутренне. Кровь же ещё не была внутренне сформирована. Это было нечто, что в большей степени подступало к человеку извне как теплое дыхание, подобно тому, как к нам подходят солнечные лучи. Поэтому то, что здесь на Земле является теперь восприятием внутренней кровеносной системы, на древней Луне было регулярным восприятием внешнего мира.

Можно сказать так: если здесь (изображается на рисунке) проходит граница между человеческим внешним и внутренним миром, тогда то, что сейчас является нервом, было сформировано ещё на (древней) Луне. Проследившая нерв, человек мог воспринять то, что раскрывалось ему как внутренний имагинативный мир, содержащийся в нём. Он воспринимал, как он сам содержится в Космосе. Потом он также воспринимал имагинативно то, что вступало в него подобно дыханию извне, а не изнутри. Теперь это отпало; то, что было внешним на древней Луне, превратилось во внутреннее кровообращение в ходе земного развития. Вот почему это является возвращением к древней лунной эволюции.

Это хорошо, когда знают о таких вещах, поскольку всё снова и снова всплывает то, что таким образом возникает в ясновидении. То, что таким образом возникает при ясновидении, не нужно развивать на том трудном пути медитаций и концентраций, речь о которых идет в книге «Как достигнуть познания высших миров?». Ясновидение, возникающее вследствие того, что человек учится жить внутри в своих нервах и в своей крови, учится наслаждаться самим собой, является, всего лишь, тонким совершенствованием органической жизни вообще, тонким совершенствованием того, что переживает человек, когда он ест или пьёт. Вот почему такое ясновидение, в сущности, действительно не является тем, которое, как задачу, имеет перед собой человечество сегодня; нет, оно является тем, что, можно сказать, возникает как тепличное растение, возникает вследствие того, что мы приводимся к рафинированному бытию того самонаслаждения, которое доставляет нам еда, питьё или нечто подобное. Как у гурмана, дегустатора вина, когда он пьёт «Рейнское» или «Мозельское», возникает внутреннее воздействие, которое, впрочем, может подняться лишь до вкусовой имагинации, не будучи сформировано, так и у некоторых людей возникает

рафинированное внутреннее наслаждение; и в этом состоит их ясновидение.

Многое в ясновидении является не более, чем неким рафинированным, утонченным тепличным наслаждением жизнью. В наше время надо снова обратить внимание на эти вещи. Ибо, можно сказать, последним временем, когда ещё знали об этих тайнах, времени, когда в литературе говорили об этих вещах, была, в сущности, первая половина 19 века. Когда же наступила вторая половина 19 столетия, со столь величественно выглядевшими открытиями, открытиями, которые со своей точки зрения могли рассматриваться как величественные, понимание вышеуказанных вещей, понимание тонких взаимосвязей всего бытия было утеряно. Говоря в скобках, ещё не было утеряно наслаждение, наступавшее под влиянием, так сказать, более грубого само восприятия. У людей ещё оставалось то, что они могли жить под влиянием наслаждения после еды и питья; именно это выработали они до известной степени в век материализма.

Однако, относительно таких вещей человечество живёт в некоем циклическом, ритмическом движении. Во всяком случае, материалистический век может усилить впечатления, производимые едой и питьём, потому, что этот век уничтожает все, что существовало прежде как некое общее чувство, - проявление самодовольства, самонаслаждения в органах чувств, в нервной системе и кровообращении, существовавшие и раньше, могут усиливаться. Можно с легкостью исследовать, весь этот перелом и подъём, произошедший в этом отношении в относительно короткий срок. Для этого достаточно лишь взять в руки столовое меню отеля в семидесятых годах, чтобы сравнить его с нынешним. Было бы видно, как продвинулась вперед жизнь в утонченном наслаждении, в самонаслаждении, наслаждении собственным телом. Но такие вещи тоже происходят циклически, всё достигается лишь до известной степени и, подобно маятнику, который может отклониться лишь до известной точки, а затем должен возвратиться назад, так и чисто физическое наслаждение, достигнув определенного пункта, обращается вспять. Затем произойдёт то, как если бы сластолюбцы и сладкоежки, то есть те, кто по большей части стремится к наслаждениям, стоя перед самыми лакомыми кусочками, не хотят их, но говорят: Ах! Я это уже не могу, для меня это слишком! - Это время тоже наступит, ибо в этом состоит необходимое условие развития. Всё протекает циклически.

Другую сторону жизни переживает человек в течение своего сна. При этом жизнь его представлений засыпает, и естественным образом возникают совершенно иные отношения. Я сказал, что первая половина 19 столетия была, в существенном, такова, что еще имелись прозрения в те вещи; имелось то ясновидение, которое возникает вследствие прослеживания путей нервов и путей крови; ещё в первой половине 19 века, вспоминая о некоторых отголосках, это называли пифическим ясновидением, ибо оно действительно было родственно тому, что лежало в основе пифического ясновидения в древности.

Другие отношения выступали в течение жизни во сне, так как человек со своим «я» и астральным телом находился вне физического тела и вне эфирного тела. В обычной жизни эти представления угашаются, стихают. Но человек от засыпания до пробуждения живет, постоянно испытывая жажду, вожделение по своему физическому телу. Сон состоит именно в том, что человек, начиная с момента засыпания, развивает вожделение к своему физическому телу. Оно поднимается до определенной высоты, и затем всё больше и больше стремится человека назад к физическому телу. Вожделение, направленное на собственное физическое тело всё больше и больше возрастает в течение сна. И поскольку это вожделение как туман пронизывает «я» и астральное тело, жизнь представлений заглушается, затуманивается. Представления приобретают сумеречный характер именно вследствие того, что жизнь вожделений по физическому телу подобно туману пронизывает «я» и астральное тело. Подобно тому, как мы не видим деревьев в лесу, если распространился туман, так не можем мы внутренне переживать жизнь наших восприятий, если над ними распространяется туман наших вожделений.

Но может случиться так, что эта жизнь вожделений во время сна станет столь сильной, что человек разовьёт эти вожделения, не только будучи вне своего физического тела и эфирного тела, но, до известной степени, станет таким алчным, что частично захватит внутренний мир своего физического и эфирного тела. Таким образом, он со своим вожделением подступит к крайним окончаниям своих нервных и кровеносных путей, он до некоторой степени через органы чувств погрузится в себя извне, погрузится в окончания нервных путей и путей кровообращения.

В древности, когда боги еще до некоторой степени помогали людям при таких переживаниях, такое явление было чем-то правомерным, было чем-то благим. Люди, которые совершали нечто великое для своего народа, как древнееврейские пророки, совершали то, что они совершали; они обладали пророческим даром потому, что использовали огромную любовь именно к крови и нервной системе своего народа, так что сами они в состоянии сна не хотели отдаляться от того, что жило в этом народе физически. Они, - эти пророки иудейской древности, - были охвачены таким жадным стремлением, наполнены такой любовью, что и во сне хотели быть связанными с кровью своего народа, народа, к которому они принадлежали. Тем самым они приходили к их дару пророчества.

Такова физиологическая основа, физиологический источник этого пророческого дара; только что описанное вызывало прекрасные, величественные результаты. Пророки отдельных народов являются столь значительными для своего народа именно потому, что они сами, будучи вне физического тела, только что описанным образом жили со своим физическим телом.

Как было сказано, до первой половины 19 столетия в жизни человечества ещё существовало некое сознание об этих связях. И если перед этим названное и характеризованное ясновидение называлось пифическим, то ясновидение, о котором я только что говорил, назвалось пророческим; в его случае человек с тем, что иначе должно было бы находиться в время сна вне физического тела и эфирного тела, оказывалось погруженным в кровь и нервные пути физического тела.

Исследуя литературу первой половины 19 века, вы найдете описания, - пусть даже не с такой точностью и пунктуальностью, как может это описывать новая духовная наука сегодня, - вы найдете описание пифического, и пророческого ясновидения. Сегодня об этой разнице больше не знают, поскольку больше не могут понять то, что читают в книгах первой половины 19 века о пифическом и пророческом ясновидении. Однако оба эти вида ясновидения сегодня уже не таковы, чтобы действительно способствовать поступательному развитию человечества. Обе эти формы ясновидения имели ценность в древности. Сегодняшнее ясновидение должно в будущем развиваться всё больше и больше. Оно не может возникнуть ни вследствие того, что мы

наслаждаемся тем, что во время дневного бодрствования пронизывает наше тело изнутри, ни вследствие того, что мы в состоянии, подобном сну погружаемся снаружи в это тело из любви, - не к себе самим, но к той части человека, к которой принадлежит наше тело. И то, и другое положение являются устаревшими.

Сегодняшнее ясновидение должно возникать так, что оно наступает как нечто третье; как нечто, не являющееся ни идущим снаружи любвеобильным захватом физического тела, ни идущим изнутри довольствованием этим физическим телом. Как то, что живет внутри и может довольствоваться нашим телом, пронизывая его изнутри, так и то, что внешним образом может вторгаться в наше тело снаружи, - и то, и другое должны выйти из тела; и то, и другое, - для появления сегодняшнего ясновидения, - должны, в пределах инкарнации между рождением и смертью, - быть связаны с телом лишь настолько, чтобы ни изнутри, ни снаружи не довольствоваться любовно кровью и нервами; нет, необходимо сохранять связь с телом при чистом отказе от такого самонаслаждения или самолюбования. Несмотря на это, связь с телом, безусловно, должна иметь место, ибо иначе это означало бы смерть. Человек должен оставаться связанным с телом, которое принадлежит ему в физической инкарнации на Земле, оставаться связанным с этим телом посредством тех членов, которые в некотором роде далеко, или, по крайней мере, относительно далеко отстоят от деятельности крови и нервной деятельности. Должно произойти высвобождение от деятельности крови и нервов.

Если человек больше не испытывает самонаслаждения ни внутренне, на путях, приводящих к его органам чувств, ни, проникая в себя снаружи вплоть до своих органов чувств, если человек как бы в состоянии поддерживать связь с самим собой, как изнутри, так и снаружи, поддерживать так, что он действительно может живо охватить в себе то, что для физической жизни является символом смерти, если он может связать себя с тем, что представляет собой заявку на физическую смерть, - тогда он достигает рассматриваемого состояния. Ибо на физиологическом уровне мы умираем, в сущности, потому, что мы способны развивать в себе костную систему. Если мы в состоянии охватить то, что удивительное предчувствие в народе ощущает как символ смерти, то есть, костный остов, скелет, охватить то, что как костная система так далеко отстоит от кровеносной и нервной систем, тогда мы подходим к тому, что является более высоким в

сравнении с пифическим и пророческим ясновидением, тогда мы подходим к тому, что мы можем назвать духовнонаучным ясновидением.

В этом духовнонаучном ясновидении мы уже больше не захватываем часть человеческой природы, но мы охватываем всего человека в целом. И, в сущности, безразлично, охватываем ли мы его изнутри или снаружи, ибо этот вид ясновидения уже не может быть наслаждением. Это уже не рафинированное наслаждение, но приобщение к божественно-духовным силам Вселенной. Оно идентично отождествлению с миром, единству с миром, оно больше не является переживанием человека и того, что приписывается человеку, оно является сопереживанием деяний существ высших иерархий, истинным выходом из самонаслаждения и самолюбования. И как наши мысли становятся членами нашей души, так должен и человек как мысль стать членом высших иерархий. Дать себя помыслить, дать себя почувствовать, дать себя воспринять высшим иерархиям - вот принцип духовнонаучного ясновидения. Стать приемлемым, не приемля себя.

Итак, относительно сказанного мною, я хотел бы пожелать, чтобы это по-настоящему стало предметом ваших дальнейших медитаций, ибо изложенное мною сегодня могло бы пробудить во всех вас многое, многое; это могло бы послужить ко всё более дальнему, далеко идущему проникновению в сущностный импульс нашего духовнонаучного течения. В эти дни часто шла речь о том, насколько серьёзным должно быть это проникновение в наше духовнонаучное течение. В рамках нашего духовнонаучного течения является не просто желаемым, но, я бы сказал, должно быть желаемым, - благодаря чему снова могло бы осуществиться нечто, - чтобы как можно больше людей приняли бы решение: в соответствии с жизнью размышлять над этой тройкой формой постижения высших миров, для того, чтобы возникали всё более и более ясные понятия о том, чего же мы все, в сущности, хотим, о том, что может быть с легкостью перепутано с тем, обладать чем удобнее, гораздо удобнее.

Поистине не напрасно работаем мы от цикла к циклу, чтобы соединять воедино как можно больше идей и понятий. Изучать эти понятия и идеи отнюдь не бесполезно, нет, в этом и состоит путь, чтобы подготовить в себе те душевные импульсы, которые ведут к настоящему духовнонаучному

ясновидению. Человек, вследствие того, что он там и тут глотнул кое-что от даваемого в рамках нашего духовнонаучного течения, создает тут или там прореху, трещину в человеческой природе; при этом возникает нечто от пифического или пророческого ясновидения, так, что он может возгордиться, стать высокомерным в этом пифическом или пророческом ясновидении. Если это имеет место, тогда реализуются такие суждения, возникают такие мнения, которые частенько приходится выслушивать, когда один или другой говорят: мне нет необходимости изучать все отдельные подробности, я не нуждаюсь в том, что говорится в циклах. То, что я слышу об этих вещах, я уже совершенно точно знаю, я уже знал об этом, и так далее. – Многие ещё проникнуты принципом жить с парой имагинаций, которые можно назвать имагинациями крови и нервов. Но это вовсе не то, что может привести нас к неэгоистическому, самоотверженному сотрудничеству с эволюцией человечества; нет, такая задержка в имагинациях крови и нервов ведет к повышению уровня самонаслаждения, ведёт к рафинированному эгоизму. И затем может случиться так, что именно вследствие занятий духовной наукой возвращается более рафинированный эгоизм, нежели существует он во внешнем мире.

Само собой разумеется, при этом ни в коем случае не идет речь о присутствующих, как и об Антропософском Обществе, которое представлено тут. Но пусть будет позволено упомянуть, что есть общества, где находятся те или иные люди, которые, в соответствии с принципами этих обществ, подводятся не к тому, чтобы бескорыстно сотрудничать, но чтобы, как наиболее излюбленное принимать то, что там или тут возжигает имагинации крови или нервов, полагая при этом, что смогут достичь и другого. Потом они приходят к такому атавистическому ясновидению, или, возможно приходят не к нему, но только к чувствам, которые следует рассматривать как сопутствующие явления такого имагинативного ясновидения. Эти чувства не являются преодолением эгоизма, но высшим расцветом эгоизма. В таких обществах, - Антропософское Общество мы, вежливости ради, пропускаем, - можно обнаружить, - и это несмотря на то, что их долгом является развивать вплоть до глубочайших основ души любовь, согласие и гармонию в отношении одного члена к другому, - можно обнаружить всё более нарастающую дисгармонию, стремление к ссорам, обоюдному злословию и так далее. Я позволил себе

употребить такие выражения, поскольку я, как говорится, не имею в виду тех, кто принадлежит к Антропософскому Обществу.

Мы можем увидеть, что именно там, где должен был бы сиять сильный свет, отбрасываются и сильные тени. Дело не в том, что я хочу порицать такие вещи, что я верю в то, будто бы их можно искоренить не сегодня, так завтра. Этого сделать нельзя, ибо эти вещи возникают естественным образом. Но каждый может, по меньшей мере, работать над собой: было бы нехорошо, не направлять сознание на эти вещи.

Обязательно надо понять, что именно оттого, что какое-либо течение должно работать во вне, внутри таких обществ проявляются теневые стороны, и зачастую то, что бурно разрастается во внешней жизни, в таких обществах разрастается в ещё большей мере. Однако снова и снова горькое чувство вызывается тогда, когда такое выступает в обществах, которые естественным образом, - иначе не было бы и смысла иметь такое общество, - должны развивать известное братство, солидарность; однако как раз вследствие того, что люди близко сходятся, такое близкое схождение способствует более интенсивному развитию известных качеств, которые во внешнем (мире) существуют лишь мимолетно. Поскольку Антропософское Общество мы исключаем из рассмотрения, ибо оно присутствует, представлено здесь, у нас будет больше возможностей совершенно объективно, как бы безучастно размышлять над этими вещами, осмысливать их, чтобы интенсивно ознакомиться с ними. И когда нам придется обнаружить их где-либо во внешнем мире, рассматривать их никак иначе, а именно так, чем они являются. И если кто-либо полагает, что он понимает антропософию особенно глубоко, но при этом, всё же проявляет указанные свойства даже не так, как они выступают во внешнем мире, а много интенсивнее, не надо верить, предаваться вере в то, будто бы это непонятно. Надо знать, что это вполне понятно, но с проявлением таких качеств мы должны бороться. Однако бороться с ними мы сможем только тогда, если действительно поняли их.

Это тоже нечто, показывающее нам, как жизнь связана с тем, что является духовнонаучным мировоззрением, что духовнонаучное мировоззрение только в том случае сможет по-настоящему достигнуть своей цели, если оно будет понято как воззрение на жизнь, как искусство жизни, если оно будет

вноситься во всю жизнь. Как было бы прекрасно, если бы все отдельные жизненные проявления, выявляющиеся в Антропософском Обществе, находились в таком же созвучии друг с другом, попытка к которому была предпринята с формами нашего здания, где отдельные формы переходят друг в друга и все находятся в созвучии друг с другом; если бы и в жизни могло быть так, как это имеет место в здании, в Бау, если бы вся жизнь в нашем Обществе могла быть такой, какой мы хотим иметь её благодаря прекрасному взаимодействию того, что задействовано в здании, тогда и наша работа в здании являлась бы чем-то гармоническим, благородным, являлась бы выражением того, что выражает само это здание.

Внутренний смысл жизненного принципа нашего здания и внутренний смысл взаимодействия душ, - ну, об этом мне не хотелось бы говорить, - внутренний смысл взаимодействия форм нашего здания должен был бы проложить путь во вне, во все жизненные отношения в нашем Обществе; этот внутренний смысл в своё внутреннем построении должен предстоять перед нами как идеал. Я только должен заверить вас, что я не обмолвился, когда только что произнес эту фразу; я произнес её вполне осознанно; порой оказывается сказанным и то, чего человек не говорил.

Однако обобщая то, что я, так сказать, самым разным образом варьируя тему, сообщил в этой теме, то, что я особенным образом хотел заложить в ваши сердца, состоит в том, чтобы вы приняли не только мысли и идеи духовной науки, посредством которых результаты духовных исследований предстают перед вашим рассудком и перед вашим разумом, но чтобы вы приняли в своё сердце то, что живёт в духовной науке. Ибо от этого поистине зависит благо грядущего поступательного развития человечества. Это можно сказать без преувеличения, и увидеть это сможет тот, кто пытается хоть немного исследовать импульсы нашей эволюции и знамения нашего времени. Пусть на этом будет завершена серия лекций, предпринятых мною, чтобы отметить перед вами оборот года.

